

Ари Хохма

Срок хранения

Ари Хохма

Срок хранения

«Издательские решения»

Хохма А.

Срок хранения / А. Хохма — «Издательские решения»,

Первое письмо пришло через сорок семь лет после смерти отправителя.Архивистка Мария Седова начинает проверять его содержание — и обнаруживает документы о собственной смерти. Следы ведут к давнему эксперименту, людям с чужими воспоминаниями и решениям, последствия которых пережили своих авторов.Можно ли сохранить человека, не присвоив себе право на его судьбу?«Срок хранения» — роман о памяти, цене спасения и свободе не быть продолжением чужой воли.

© Хохма А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Невручённое 6
Глава 1. Письмо без получателя 6
Глава 2. Дело №148 13
Глава 3. Подпись 23
Глава 4. Человек, который помнил 38
Глава 5. Два июля 55
Глава 6. Право на забвение 78
Конец ознакомительного фрагмента. 80

Срок хранения

Ари Хохма

© Ари Хохма, 2026

ISBN 978-5-0071-7808-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Невручённое

Глава 1. Письмо без получателя

Первое письмо пришло через сорок семь лет после смерти отправителя.

В этом не было ничего необычного. Необычным оказалось то, что получатель ещё не родился.

Мария Андреевна Седова обнаружила конверт в понедельник, за одиннадцать минут до окончания рабочего дня. Она хорошо запомнила время, потому что уже выключила настольную лампу и собиралась уходить.

Конверт лежал между двумя толстыми папками, которых утром на столе не было.

Мария включила лампу обратно.

Бумага пожелтела, но сохранила плотность. Адрес был написан чернилами, крупным, немного неровным почерком:

Город Ольхов. Улица Мельничная, дом 18. Софье Андреевне Белой. Вручить не ранее 12 ноября 2068 года.

Сегодня было 12 ноября 2068-го.

Мария перевернула конверт. На обратной стороне стояла дата: 21 апреля 2021 года.

Отправитель — Николай Белый.

Она открыла электронный реестр жителей.

Софья Андреевна Белая, 2049 года рождения. Проживает по указанному адресу с 2064 года. Девятнадцать лет. Студентка медицинского колледжа.

Николай Белый умер в 2021 году. За двадцать восемь лет до её рождения.

Мария ещё раз посмотрела на конверт.

В таких совпадениях не было ничего сверхъестественного. Существовала программа отложенной корреспонденции, запущенная в двадцатых годах. Люди оставляли письма детям, внукам, будущим жильцам своих домов. Иногда даже незнакомцам.

Большинство писем представляли собой сентиментальную чепуху. Время превращало её в документы.

Здесь странным было другое.

В графе «Отправитель» значился человек, смерть которого Мария когда-то регистрировала лично.

Она помнила Николая Белого.

Не лицо — лицо давно стёрлось. Помнила обстоятельства.

В тот год в городе закрывали старую больницу. Николай лежал в коридоре терапевтического отделения, потому что палат не хватало. Ему было семьдесят три. Он почти не разговаривал, но постоянно просил принести бумагу.

Мария тогда работала в отделе регистрации гражданских состояний. Ей было двадцать один год, и она ещё не привыкла к тому, как много документов требуется, чтобы человек перестал существовать для государства.

В день его смерти она случайно оказалась в больнице, забирая документы.

Николай лежал под серым одеялом. Возле кровати стоял пластиковый стакан с карандашами.

Ей запомнился именно стакан.

Почему — она никогда не задумывалась.

Теперь, сорок семь лет спустя, его конверт лежал на её столе.

Мария положила письмо в исходящую папку. Потом передумала, достала его обратно и посмотрела на часы.

18:04.

Курьер заберёт корреспонденцию только завтра.

Можно было идти домой.

Но она почему-то осталась.

За окном начинался мокрый снег. На стекле медленно возникали белые следы, исчезали, возникали снова. Улица Мельничная находилась в старом квартале, где ещё сохранились дома с настоящими кирпичными стенами. Мария сама жила там до сорока лет.

Дом восемнадцать она помнила. Небольшой, двухэтажный, с деревянной верандой и чугунными перилами. В детстве она несколько раз заходила туда вместе с матерью. На первом этаже жила портниха, которой мать заказывала платья.

Теперь там была частная гостиница.

Или уже не гостиница?

Мария проверила адрес.

Дом восемнадцать был перестроен в 2059 году. С 2064-го в нём находились четыре отдельные квартиры.

Софья Белая проживала в квартире номер три.

Совпадение фамилий могло быть случайным. Хотя фамилия Белый встречалась в Ольхове нечасто.

Мария открыла семейный реестр.

Николай Белый имел одного сына — Павла Николаевича, родившегося в 1988 году. Павел умер в 2047-м.

У Павла был сын Андрей, 2025 года рождения.

У Андрея — дочь Софья.

Всё оказалось просто.

Прадед оставил письмо правнучке, которую никогда не увидел.

Мария почувствовала лёгкое разочарование. Ей было почти стыдно за него. За несколько минут она успела представить что-то исключительное, хотя перед ней лежала обыкновенная семейная корреспонденция.

Она выключила компьютер.

На экране мелькнуло системное уведомление.

Адресат имеет ограничение на получение отложенных отправлений.

Мария остановилась.

Включила компьютер снова.

Ограничение было установлено самой Софьей Белой 3 сентября 2068 года.

Формулировка:

Отказ от получения корреспонденции, сформированной до даты рождения адресата.

Такой отказ был предусмотрен законом. После нескольких громких судебных процессов людям предоставили право не принимать послания, оставленные родственниками до их рождения.

Причины бывали разные.

Кто-то не хотел узнавать семейные тайны. Кто-то устал от завещаний, в которых умершие пытались распоряжаться жизнью живых. Бывали и письма с угрозами, обвинениями, обязательствами.

Мёртвые не всегда отличались деликатностью.

По правилам Мария должна была вернуть конверт в архив, где он хранился бы ещё двадцать лет. Затем комиссия определила бы его историческую ценность.

Она открыла карточку отправления.

И обнаружила вторую запись.

При отказе адресата вручить Марии Андреевне Седовой.

Мария несколько секунд смотрела на собственное имя.

В карточке значилась дата составления распоряжения: 21 апреля 2021 года.

Ей тогда был двадцать один год.

Николай Белый умер в тот же день.

Она медленно сняла очки.

В отделе стало тихо. Даже старый вентиляционный блок, который обычно гудел под потолком, замолчал.

Мария помнила, что встречала Николая в больнице. Но она не помнила, чтобы они разговаривали.

Никак не могла вспомнить.

Она поднялась, подошла к окну, постояла несколько минут. За стеклом тянулась вереница красных огней. Машины двигались медленно: первый снег всегда превращал город в плохо организованную стоянку.

Ей захотелось позвонить дочери.

Не из-за письма. Просто услышать голос.

Но дочь находилась на ночной смене, и Мария не стала её беспокоить.

Она вернулась к столу.

Взяла конверт.

Печать архивной службы оставалась целой.

На ней сохранился старый герб Ольхова — мельничное колесо и две ветви ольхи. Герб сменили в 2036 году, когда город присоединили к Северному округу.

Мария достала из ящика канцелярский нож.

Держала его в руке, рассматривая запечатанный край.

Открыть письмо она имела право. Если адресат отказывался от получения, а в карточке указывался резервный получатель, корреспонденция переходила к нему.

Но оставалось одно обстоятельство.

Николай Белый указал её по имени и отчеству за сорок семь лет до сегодняшнего дня.

И каким-то образом предусмотрел, что его правнучка откажется читать письмо.

Мария надрезала конверт.

Внутри находились три листа, сложенные вчетверо, и небольшая фотография.

На фотографии стояли двое мужчин возле деревянного дома.

Одного Мария узнала сразу.

Это был Николай Белый. Только значительно моложе, чем в больнице.

Второй мужчина держал на руках маленькую девочку.

Мария перевернула фотографию.

На обороте рукой Николая было написано:

Июль 2002 года. Мария. Последний день перед отъездом.

Она поднесла фотографию к лампе.

Девочка была она.

Мария узнала своё платье. Светлое, с двумя синими полосками на воротнике. Его сшила мать. Она помнила, как сильно не любила эти полоски, потому что хотела платье с цветами.

Но мужчину, державшего её на руках, она не узнала.

И Николая Белого не помнила.

Она перевернула первый лист.

Мария Андреевна.

Если письмо досталось вам, значит, Софья поступила так, как я надеялся. Значит, она сохранила право не знать.

Вам такого права я не оставил.

Прежде чем читать дальше, посмотрите на фотографию. Человек, который держит вас на руках, — не ваш отец.

Ваш отец сделал этот снимок.

Я понимаю, что вы сейчас захотите узнать, кто этот человек. Но это не самое важное. Важнее другое.

В тот день, когда была сделана фотография, вы уже умерли.

Мария отложила лист.

Она не испугалась.

Первым чувством оказалось раздражение.

У старика, очевидно, было своеобразное чувство юмора. Возможно, возрастные нарушения мышления. Она достаточно долго проработала с архивами, чтобы знать, какие странные вещи люди оставляют потомкам.

В тот день, когда вы уже умерли.

Она внимательно посмотрела на дату.

Июль 2002 года.

Марии ещё не исполнилось трёх лет.

Она прожила после этого ещё шестьдесят шесть лет. Закончила школу, институт, вышла замуж, родила дочь, развелась, похоронила мать, несколько раз меняла работу.

У неё болела поясница. Она плохо спала. Иногда забывала, зачем зашла в комнату. В прошлом году врачи нашли у неё нарушение сердечного ритма.

Обычная жизнь.

Никакой смерти в три года она не помнила.

Мария взяла второй лист.

У меня нет возможности рассказать вам всю историю. Возможно, вы сами когда-нибудь её восстановите.

В архиве городской больницы сохранился журнал приёмного отделения за июль 2002 года. Ищите запись от четырнадцатого числа. Девочка трёх лет, утопление. Смерть констатирована в 16 часов 42 минуты.

В графе «Фамилия» — Седова.

В графе «Исход» запись была исправлена.

Не верьте исправлению.

И ещё. Не ищите человека с фотографии. Если он жив, то за всё это время сделал достаточно, чтобы остаться неизвестным.

Вам нужно найти другое.

В архиве Ольхова есть книга, которой не существует.

Она называется «Список будущих жителей».

Первый экземпляр был составлен в 1998 году.

Второй — в 2021-м.

Третий ещё не написан.

Мария подняла голову.

Где-то в коридоре хлопнула дверь.

Она машинально положила листы на стол текстом вниз.

Послышались шаги.

— Мария Андреевна? Вы ещё здесь?

Это был охранник Степан.

Он появился в дверях, держа в одной руке телефон, а в другой — бумажный стаканчик с кофе.

— Уже ухожу, — ответила Мария.

— Свет у вас горит. Я думал, забыли выключить.

— Спасибо, Степан. Сейчас закончу.

Он посмотрел на разложенные бумаги.

— Опять покойники?

— Как обычно.

Степан улыбнулся.

— Они у вас спокойнее живых.

— Не всегда.

Когда шаги стихли, Мария перевернула третий лист.

Там было всего несколько строк.

Я знаю, что вы не поверите.

И правильно сделаете.

Проверяйте всё.

Но прошу вас об одном: не рассказывайте Софье о существовании этой книги, пока не поймёте, зачем в неё внесли её имя.

Особенно если обнаружите там дату её смерти.

Николай Белый.

21 апреля 2021 года.

Мария перечитала последнее предложение.

Затем ещё раз.

Она смотрела на него долго, не пытаясь ничего объяснить.

После этого достала из сумки телефон и открыла список контактов.

Имени Софьи Белой там не было.

Мария набрала номер справочной службы городского архива.

Автоматический голос сообщил, что приём запросов завершён в 18:00.

Она отключилась.

Положила фотографию рядом с письмом.

На снимке девочка обнимала мужчину за шею. Совсем по-детски, обеими руками, прижавшись щекой к его лицу.

Она выглядела счастливой.

Мария попыталась вспомнить тот день.

Деревянный дом.

Солнце.

Запах нагретых досок.

Что-то мелькнуло в памяти, но исчезло раньше, чем она успела ухватить.

И тогда она заметила одну деталь.

На заднем плане фотографии, возле стены дома, стояла женщина.

Раньше Мария не обратила на неё внимания, потому что фигура почти целиком скрывалась за плечом Николая.

Теперь она подвинула лампу.

Женщина стояла спиной к фотографу. На ней было светлое платье. В руках она держала детскую куртку.

Мария знала это платье.

Она видела его много раз на старых семейных снимках.

Это была её мать.

Но четырнадцатого июля 2002 года мать находилась в родильном отделении областной больницы.

Мария помнила эту дату по семейной истории, которую слышала с детства.

Именно тогда у неё родился младший брат.

Мальчик прожил всего два часа.

Мать никогда не рассказывала о нём подробно. Даже имя ему не успели дать.

Мария снова посмотрела на женщину.

Потом на девочку.

На мужчину.

И вдруг поняла, что ни на одной из семейных фотографий до 2003 года не было её отца.

Она никогда не замечала этого прежде.

На стене щёлкнули часы.

18:37.

Мария сложила письма обратно в конверт, положила его в сумку, выключила лампу и вышла из кабинета.

В коридоре пахло влажной штукатуркой и дешёвым кофе.

Степан сидел за стойкой охраны и смотрел старый футбольный матч.

— Доброй ночи, Мария Андреевна.

— Доброй, Степан.

Она остановилась возле выхода.

— Вы давно здесь работаете?

— Двадцать два года. А что?

— В нашем архиве когда-нибудь хранились книги, которые не внесены в каталог?

Степан усмехнулся.

— У нас половина подвала не внесена в каталог.

— Я серьёзно.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— А какую книгу ищете?

Мария поколебалась.

— «Список будущих жителей».

Степан перестал улыбаться.

Поставил стаканчик на стол.

Несколько секунд они молчали.

Затем он медленно снял очки.

— Кто вам сказал это название?

— Нашла в старом письме.

— В каком письме?

— Почему вы спрашиваете?

Степан посмотрел на коридор за её спиной.

— Мария Андреевна, — сказал он тихо. — Вы сегодня никому не говорите, что нашли?

— Пока нет.

— И не говорите.

— Что это за книга?

Он долго молчал.

Потом встал, достал из кармана связку ключей и выбрал маленький, с зелёной пластиковой биркой.

— Завтра приходите к семи утра. До того, как появится директор.

— Зачем?

— Покажу вам кое-что.

— Что именно?

Степан положил ключ на стойку.

— Ваше дело.

— Какое дело?

Он взглянул ей прямо в глаза.
— О вашей смерти.

Глава 2. Дело №148

Мария не взяла ключ.

— Степан, сколько вам лет?

— Шестьдесят четыре.

— Значит, в 2002 году вас ещё не было на свете.

— Верно.

— Когда вы начали работать здесь?

— В 2046-м. До этого — на железной дороге.

— Откуда же вы знаете о моей смерти?

Степан взял ключ со стойки и спрятал в карман.

— Не знаю. Я знаю о деле.

— Вы сказали «о вашей смерти».

— Потому что так написано на папке.

Мария почувствовала, как неприятно похолодели пальцы. Она потерла ладони, хотя в помещении было тепло.

— Вы её читали?

— Нет.

— Тогда откуда знаете, что там написано?

— Видел обложку.

— И запомнили?

— Такое запоминается.

Она подошла к стойке ближе.

— Степан, вы понимаете, что сейчас делаете?

— Да.

— Не думаю. Вы рассказываете мне, что в подвале лежит дело о моей смерти, а потом предлагаете прийти завтра. Это либо очень глупая шутка, либо вы что-то скрываете.

Степан посмотрел на часы.

— Вы сегодня домой собираетесь?

— Собираюсь.

— Вот и идите. Завтра всё увидите.

Мария хотела возразить, но неожиданно для себя замолчала.

Она знала Степана больше двадцати лет. Невысокий, немного сутулый мужчина, который собирал старые железнодорожные расписания и каждую весну выращивал рассаду томатов на подоконнике поста охраны. Он никогда не вмешивался в дела сотрудников, не любил разговоров о политике и дважды в год приносил в отдел собственноручно приготовленное варенье.

Таким людям обычно доверяют ключи.

Именно поэтому его слова прозвучали так неприятно.

— Хорошо, — сказала она. — Завтра в семь.

На улице шёл снег.

Мария достала перчатки, но надевать не стала. До остановки было пять минут пешком. Она любила это короткое расстояние между работой и транспортом. За эти пять минут обычно удавалось оставить рабочие мысли позади.

Сегодня не удалось.

Она думала о фотографии.

О своей матери, которая одновременно находилась в двух местах.

О младшем брате, прожившем два часа.

И об отце, которого не было на семейных снимках.

В автобусе Мария села у окна. Вокруг разговаривали люди, светились экраны, кто-то ел горячую булочку из бумажного пакета. Обычный вечер обычного города.

Она попробовала вспомнить отца.

Получалось плохо.

Не потому, что она его не знала. Напротив, отец прожил с семьёй до 2017 года, когда умер от инфаркта. Он работал инженером, любил рыбалку и терпеть не мог громкую музыку. По воскресеньям жарил картошку с луком, каждый раз утверждая, что сегодня получилось особенно хорошо.

Она помнила его голос.

Помнила руки.

Помнила, как он поправлял очки указательным пальцем.

Но почти не помнила, как он её обнимал.

В детстве это казалось естественным. Отец был человеком сдержанным. Он не говорил о любви, не целовал детей перед сном. Заботу выражал иначе: чинил велосипед, проверял уроки, приносил мандарины.

Только сейчас Мария подумала, что никогда не задавалась вопросом, почему между ними существовала эта небольшая, но постоянная дистанция.

Возможно, просто характер.

Возможно, она слишком много значения придавала старому письму.

Она заставила себя смотреть в окно.

Дома её встретил кот.

Настоящий, живой, непородистый кот по имени Министр.

Имя он получил за привычку входить в комнату с таким видом, будто все присутствующие давно должны были встать.

Министру было одиннадцать лет. Он страдал избыточным весом, хронически недоверчиво относился к ветеринарам и обладал удивительной способностью находить самое неудобное место для сна.

Сейчас он сидел посреди прихожей.

— Привет, начальство.

Кот посмотрел на неё без особого интереса.

Мария сняла пальто, вымыла руки и достала из холодильника творог.

Министр немедленно оживился.

— Тебе нельзя.

Кот выразил несогласие.

— Даже не начинай.

Она положила ему немного корма и села за кухонный стол.

Конверт лежал в сумке.

Мария не стала его доставать.

Вместо этого открыла семейный архив.

После смерти матери ей достались три коробки фотографий, несколько альбомов, письма и старый накопитель с оцифрованными записями. Большую часть материалов она однажды перенесла в домашнее хранилище, снабдила датами и почти забыла.

Поиск фотографий занял меньше минуты.

1999 год.

2000-й.

2001-й.

Мария просматривала снимки один за другим.

Вот она сидит на ковре в гостиной.

Вот стоит возле ёлки.

Вот едет на маленьком трёхколёсном велосипеде.

На нескольких фотографиях рядом мать.

На двух — бабушка.

Отец появляется только в сентябре 2003 года.

Снимок сделан в парке. Мария сидит у него на плечах, держась за волосы. Отец улыбается.

И всё.

Она увеличила изображение.

Лицо отца было хорошо знакомым. Но почему-то он выглядел немного растерянным, словно не вполне понимал, что делать с ребёнком на плечах.

Мария закрыла фотографию.

Потом открыла раздел с семейными документами.

Свидетельство о рождении.

Запись от 19 сентября 1999 года.

Мария Андреевна Седова.

Мать — Седова Елена Викторовна.

Отец — Седов Андрей Михайлович.

Она перешла к медицинским документам.

В 2002 году большая часть записей велась на бумаге, но позднее сведения перенесли в электронный архив. Медицинские карты детей начали оцифровывать значительно раньше остальных.

Мария нашла собственную карту.

Прививки.

Обычные детские заболевания.

Осмотр перед детским садом.

Затем — запись от 14 июля 2002 года.

Госпитализация.

Диагноз отсутствовал.

Вместо него стояло: *Сведения перенесены в закрытый архив.*

Основание: распоряжение №148 от 22 июля 2002 года.

Мария откинулась на спинку стула.

Она долго смотрела на экран.

Потом открыла данные о младшем брате.

Седов Михаил Андреевич.

Родился 14 июля 2002 года, в 16:42.

Умер 14 июля 2002 года, в 18:39.

Мария замерла.

В письме Николая Белого было написано, что её смерть констатировали в 16:42.

В ту самую минуту, когда родился брат.

Она несколько раз проверила цифры.

Ошибки не было.

16:42.

Одно время.

Два ребёнка.

Один родился.

Другой умер.

Или не умер?

Мария открыла архивную карточку брата.

Причина смерти: острая дыхательная недостаточность.

Дата регистрации смерти: 17 июля 2002 года.
Подпись врача была неразборчивой.
В графе «Особые обстоятельства» стоял цифровой код.
П-17.
Поиск не дал результатов.
Мария открыла старый медицинский классификатор.
Такого кода там не существовало.
Она взяла телефон и позвонила дочери.
Та ответила не сразу.
— Мам, что случилось?
— Ничего. Ты занята?
— Пациента готовим. Минуту есть.
На заднем плане слышались голоса и звяканье металлических инструментов.
— Ты помнишь, я рассказывала тебе о своём младшем брате?
— Который умер младенцем?
— Да.
— Помню. А что?
— Я сегодня нашла его документы.
— И?
Мария посмотрела на фотографию отца.
— Оказывается, он родился в тот день, когда меня положили в больницу.
— Мам, это было почти семьдесят лет назад.
— Шестьдесят шесть.
— Хорошо, шестьдесят шесть. Что ты хочешь узнать?
— Не знаю.
Она действительно не знала.
Дочь помолчала.
— Ты нормально себя чувствуешь?
— Да. Просто разбираю старые документы.
— Тогда давай завтра поговорим? У нас сейчас тяжёлая смена.
— Конечно. Работай.
— Люблю тебя.
— И я тебя.
Связь оборвалась.
Мария положила телефон.
Последние слова дочери почему-то заставили её почувствовать себя одинокой.
Не сильно.
Просто на мгновение.
Она посмотрела на Министра.
— Что скажешь?
Кот спал на стуле.
В этом отношении он был значительно разумнее людей.
В половине одиннадцатого Мария снова достала письмо.
Она решила прочесть его с самого начала, не пропуская ни строчки.
Почерк Николая был неровным, но разборчивым. Чернила местами расплылись.
Он не объяснял, откуда знает будущее.
Не объяснял, зачем составлена книга.
Не называл человека с фотографии.

Всё письмо состояло из указаний на проверяемые обстоятельства и нескольких странных предупреждений.

Это отличало его от обычных посланий людей, уверенных в собственных пророческих способностях.

Николай не требовал веры.

Он предлагал проверку.

Мария невольно улыбнулась.

За шестьдесят девять лет жизни она успела понять одну простую вещь: когда человек просит ему верить, он обычно хочет получить что-нибудь без доказательств.

Николай, похоже, ничего не просил.

Кроме одного.

Не рассказывать Софье.

Почему?

Софья была его правнучкой.

В сентябре девушка запретила получение писем, оставленных до её рождения.

Но откуда Николай мог знать об этом за сорок семь лет?

Если, конечно, в 2021 году такое распоряжение действительно существовало.

Мария открыла служебную копию карточки.

Дата создания: 21 апреля 2021 года.

Дата последнего изменения: 3 сентября 2068 года.

Автор изменения: автоматическая служба исполнения распоряжений.

Она запросила историю.

Система ответила:

Доступ к ранним версиям записи ограничен.

Мария попробовала открыть ограничение с рабочего удостоверения.

Недостаточно полномочий.

Она усмехнулась.

После более сорока семи лет службы ей по-прежнему не хватало полномочий.

Это было почти утешительно.

В 23:17 Мария легла спать.

Министр устроился у неё в ногах.

Сон не приходил.

Она думала о матери.

Елена Викторовна умерла в 2051 году, не дожив до восьмидесяти. Последние годы её память заметно ухудшилась. Она путала даты, забывала имена соседей, иногда не узнавала внучку.

Но однажды, незадолго до смерти, сказала странную фразу.

Мария вспомнила её сейчас с такой отчётливостью, будто снова сидела у материнской кровати.

— Машенька, ты ведь у меня вторая.

Тогда она решила, что мать перепутала её с кем-то.

— Вторая кто, мам?

— Девочка.

— Какая девочка?

Мать долго смотрела на неё.

Потом заплакала.

Мария обняла её и больше не спрашивала.

Воспоминание оборвалось.

Мария открыла глаза.

В комнате было темно.

Министр тяжело дышал у неё в ногах.

Она лежала совершенно неподвижно, стараясь понять, что именно сказала мать.

Ты ведь у меня вторая.

Не «второй ребёнок».

Не «вторая дочь».

Вторая.

Мария включила ночник.

Села на кровати.

И впервые за этот вечер ей стало страшно.

Не из-за письма.

Из-за того, что её собственная жизнь вдруг оказалась недостаточным доказательством того, что она знает, кем является.

В 6:42 следующего утра Мария вошла в здание архива.

Степан уже ждал её.

На стойке стояли два бумажных стаканчика с кофе.

— Без сахара? — спросил он.

— Как обычно.

Он протянул ей стаканчик.

— Пойдёмте.

Они прошли мимо служебного лифта к лестнице, ведущей в подвал.

Мария знала этот подвал. Здесь хранились старые городские реестры, которые никто не решался уничтожить. Несколько раз она спускалась сюда с комиссиями.

Но Степан повёл её не в общий архив.

За стеллажом с папками строительного управления находилась узкая металлическая дверь.

На ней не было таблички.

Степан достал ключ с зелёной биркой.

— Откуда он у вас? — спросила Мария.

— Передали.

— Кто?

— Предыдущий начальник охраны.

— Когда?

— В 2046 году.

— И вы двадцать два года хранили ключ?

— Да.

— Зачем?

— Мне сказали, что однажды придёт человек и спросит про книгу.

Мария поставила стаканчик на ближайший стеллаж.

— Вы сейчас серьёзно?

— Абсолютно.

— И за двадцать два года никто не спрашивал?

— Спрашивали.

— Кто?

Степан повернул ключ.

Замок открылся неожиданно легко.

— Трое.

Он толкнул дверь.

За ней находилась небольшая комната без окон.

Вдоль стен стояли металлические шкафы. На полу лежал старый ковёр. У дальней стены — деревянный стол и два стула.

Комната была чистой.

На столе не было пыли.

Мария заметила это сразу.

— Кто здесь убирается?

— Я.

— Почему?

— Потому что помещение числится закрытым, а вентиляция здесь плохая.

Ответ был настолько прозаическим, что ей стало легче.

Степан подошёл к среднему шкафу и открыл его.

Внутри стояло несколько десятков папок.

Каждая была пронумерована.

Он нашёл нужную.

148. СЕДОВА М. А.

На обложке ниже, красным карандашом, было написано:

Смерть. 14.07.2002.

И ещё ниже, другим почерком:

Повторная регистрация не требуется.

Степан положил папку перед ней.

— Вот.

Мария открыла её.

Первым лежал медицинский акт.

Городская больница №2.

Пациент: Седова Мария Андреевна.

Возраст: 2 года 9 месяцев.

Дата поступления: 14.07.2002.

Время: 16:19.

Предварительный диагноз: утопление. Клиническая смерть.

Ниже стояли отметки реанимационной бригады.

16:21 — начало реанимационных мероприятий.

16:29 — восстановление сердечной деятельности.

16:34 — повторная остановка.

16:42 — констатация биологической смерти.

Мария машинально отметила, что диагноз был оформлен по правилам того времени.

Она перевернула лист.

Дальше шло заключение о прекращении реанимации.

Подписи двух врачей.

Затем — вложенный документ без официального заголовка.

На нём было напечатано:

17:03. Объект доставлен.

17:11. Передача завершена.

17:19. Самостоятельное дыхание.

17:22. Восстановление сознания.

17:24. Реакция на имя положительная.

17:31. Совпадение памяти подтверждено по шести контрольным признакам.

Мария прочитала документ дважды.

— Что это?

— Не знаю.

— Кто его составлял?

— Посмотрите ниже.

Внизу стояли три подписи.

Первая была неразборчивой.

Вторая принадлежала Николаю Белому.

Третья — Андрею Михайловичу Седову.

Её отцу.

Мария медленно подняла голову.

— Вы говорили, что сюда приходили ещё трое.

— Да.

— Кто они?

Степан сел напротив.

— Первым был мужчина. В 2050 году. Высокий, седой. Не представился. Спросил, где хранится дело сто сорок восемь. Показал старую фотографию.

— Какую?

— На фотографии была маленькая девочка возле деревянного дома.

Мария почувствовала, как сердце ускорило ритм.

— Второй?

— Женщина. В 2057 году. Лет сорока, может, чуть старше. Я её раньше не видел.

— Она тоже спрашивала про дело?

— Нет. Про книгу.

— И вы ей показали?

Степан покачал головой.

— Тогда книги уже не было.

— А третий?

Он не ответил.

— Степан?

Тот посмотрел на неё с каким-то странным выражением.

— Третий пришёл вчера.

Мария медленно опустила папку на стол.

— Кто?

— Молодая девушка. Показала удостоверение. Сказала, что изучает семейные документы.

— Фамилия?

— Белая.

— Софья?

— Да.

Мария закрыла глаза.

Разумеется.

Девушка имела право искать историю собственной семьи.

Но тогда зачем отказываться от письма?

— Что она хотела?

— Сначала спрашивала про Николая Белого. Потом про дело. Я показал ей обложку.

— Вы дали ей прочесть?

— Нет.

— Почему?

— Она сама не захотела.

— Как это?

Степан посмотрел на закрытую дверь.

— Увидела ваше имя и сказала, что ошиблась.

— И ушла?

— Да.

Мария задумалась.

— Когда именно она приходила?

— Вчера утром. Без десяти девять.

Вчера утром.

За девять часов до того, как Мария нашла письмо.

Она раскрыла папку снова.

На следующем листе находилась фотография.

Не та, что лежала в конверте.

На этой Мария сидела на больничной кровати. Волосы были мокрыми, на плечах — слишком большая белая рубашка.

Рядом стоял врач.

А за спиной врача, возле стены, виднелся мужчина с первой фотографии.

Тот самый, державший её на руках возле деревянного дома.

На обороте стояла дата: 15 июля 2002 года.

Под ней была короткая надпись:

Первый день после переноса.

Мария долго рассматривала фотографию.

Потом спросила:

— Степан, а вы сами в это верите?

— Во что?

— В то, что я умерла.

Он пожал плечами.

— В документах написано, что умерли.

— А перед вами кто сидит?

— Мария Андреевна Седова. Работает у нас с 2024 года. Пьёт кофе без сахара. Каждый октябрь ругается на отопление. И никак не может выбросить старые папки.

Мария невольно улыбнулась.

— Убедительно.

— Вот и я думаю.

Он встал.

— Мне пора наверх. Через полчаса сменщик придёт.

— А мне что делать?

— Читать.

— Можно?

— Вы указаны в деле как заинтересованное лицо.

Степан направился к двери.

— Подождите. Вы сказали, что книги здесь уже нет. Кто её забрал?

Он остановился.

— Не знаю. Когда принимал помещение в 2046 году, её не было.

— А откуда вы знаете, что она вообще была?

— В шкафу оставили опись.

— И что там написано?

Степан вернулся к столу, открыл нижний ящик и достал тонкую тетрадь.

На обложке стоял штамп городского архива.

Он перелистнул несколько страниц.

— Вот.

Мария наклонилась.

Специальный фонд №17.

Единица хранения 001. Список будущих жителей. Редакция 1998 года.

Единица хранения 002. Список будущих жителей. Редакция 2021 года.

Единица хранения 003. Список будущих жителей. Редакция 2068 года.

Рядом с третьей записью стояла отметка:

Ожидается поступление 14.11.2068.

Мария посмотрела на дату.

Завтра.

Она хотела что-то сказать, но Степан опередил её.

— А теперь посмотрите, кто должен передать третью книгу.

Он повернул тетрадь к ней.

В графе «Ответственное лицо» было написано:

Седова Мария Андреевна.

Подпись стояла её собственная.

Мария узнала её сразу.

Две характерные петли, длинный росчерк, буква «М», которую она всегда писала одинаково.

Только сама запись была датирована 1998 годом.

За год до её рождения.

Глава 3. Подпись

Мария не верила в предсказания.

За годы работы ей попадались завещания, составленные за сто лет до смерти наследников, письма с точными датами ещё не произошедших событий и даже нотариально заверенное свидетельство человека, утверждавшего, что он родился дважды.

Последнее оказалось результатом ошибки сельского писаря.

Ошибку обнаружили через семьдесят лет, когда внучка покойного попыталась оформить наследство.

Поэтому Мария не стала рассматривать подпись как доказательство невозможного.

Она рассмотрела бумагу.

Тетрадь была старой, в плотной серой обложке. Корешок прошили суровой ниткой. На каждой странице стоял номер, проставленный маленьким механическим нумератором. Такими пользовались в архиве до перехода на электронный учёт.

Запись о третьей книге находилась на странице двенадцать.

Первые две записи были сделаны чернилами. Третья — шариковой ручкой.

Мария взяла тетрадь и поднесла к свету.

— Что вы делаете? — спросил Степан.

— Смотрю.

— На что?

— На вдавленные следы.

Она провела кончиком пальца по обратной стороне страницы.

— Под записью о третьей книге есть следы другого текста. Кто-то писал поверх листа, который лежал здесь раньше.

— И что?

— Возможно, запись сделали недавно.

— А подпись?

— Подпись можно подделать.

Степан кивнул, словно услышал именно тот ответ, которого ожидал.

— Значит, ничего особенного?

— Пока ничего.

— Хорошо.

Он направился к двери.

— Степан.

— Да?

— Почему вы улыбаетесь?

— Потому что предыдущий начальник охраны сказал мне почти то же самое.

— Что именно?

— Что вы сначала решите, будто подпись поддельная.

Мария положила тетрадь.

— Когда он это сказал?

— В 2046 году.

— И назвал моё имя?

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете, что речь шла обо мне?

Степан задумался.

— Не знаю, — признался он.

Это был первый ответ за утро, который Марии действительно понравился.

После ухода Степана она занялась делом №148.

Папка состояла из сорока трёх листов. Документы были пронумерованы, но порядок явно нарушили: между листами двадцать и двадцать один лежали три ненумерованные фотографии, а заключение врачебной комиссии находилось раньше протокола, на основании которого комиссия якобы работала.

Мария разложила бумаги на столе.

Она всю жизнь занималась восстановлением последовательности событий. Для неё документы были не рассказом, а следами действий.

Человек мог солгать.

Документ тоже.

Но ложь обычно требовала дополнительных действий, а каждое действие оставляло след.

Первым она нашла акт о смерти.

Вторым — заключение комиссии, отменившей первоначальную запись.

Официальная формулировка гласила:

Констатация смерти произведена ошибочно вследствие недостаточного времени наблюдения за сердечной деятельностью пациента.

Подписи трёх врачей.

Решение комиссии от 22 июля 2002 года.

Мария прочитала его внимательно.

Случаи ошибочной констатации смерти бывали. Особенно при тяжёлой гипотермии после утопления. Но здесь имелось противоречие.

Если ребёнок действительно находился в состоянии глубокой гипотермии, реанимацию не должны были прекращать так быстро.

И почему для отмены записи понадобилась специальная комиссия?

Она посмотрела на исходный протокол.

Температура тела при поступлении — 35,8 градуса.

Никакой выраженной гипотермии.

Мария перевернула лист.

За ним находилась машинописная служебная записка.

Необходимо обеспечить полное изъятие первоначальных экземпляров медицинской документации из общего документооборота.

Особое внимание обратить на журнал регистрации биологических материалов.

Подпись — Николай Белый.

Должность: руководитель программы «Преемственность».

Мария остановилась.

Этого слова она раньше не встречала.

Николай Белый не был врачом. По открытым реестрам он числился инженером связи, позже — сотрудником исследовательского института.

Какое отношение инженер имел к медицинской комиссии?

Она достала телефон и сфотографировала документ.

Потом ещё несколько страниц.

На четвёртом снимке камера автоматически предложила распознать текст. Мария согласилась и отправила результаты в личный защищённый архив.

Впервые за много лет она нарушила служебное правило.

Документы специального фонда нельзя было копировать без разрешения директора.

Она прекрасно это знала.

Но неизвестно, удастся ли ей попасть сюда ещё раз.

На листе двадцать семь находился протокол психологического обследования.

Пациент: Седова М. А.

Дата: 15 июля 2002 года.
Возраст: 2 года 9 месяцев.
Состояние после процедуры: удовлетворительное.
Далее следовал перечень вопросов.
Мария прочитала первый.
Как зовут маму?
Ответ: *Лена.*
Как зовут папу?
Ответ: *Андрей.*
Где ты живёшь?
Ответ: *На улице Садовой. Дом с красной крышей.*
Мария невольно улыбнулась.
Она помнила этот дом. Крышу перекрасили в зелёный цвет, когда ей было лет пять.
Четвёртый вопрос:
Как зовут твою игрушку?
Ответ: *Капитан.*
Мария замерла.
Капитан.
Она совершенно забыла это имя.
А теперь вспомнила сразу.
Это был плюшевый заяц с одним длинным ухом. Второе ухо оторвалось, когда Мария пыталась вытащить игрушку из-под дивана.
Заяц носил маленькую синюю куртку с двумя золотистыми пуговицами.
Отец однажды сказал, что похож на капитана корабля.
С тех пор игрушку так и называли.
Мария закрыла глаза.
На мгновение она почти ощутила грубую ткань заячьей куртки под пальцами.
Пятый вопрос:
Что мама сказала перед прогулкой?
Ответ: *Не ходить к воде.*
Шестой:
Что произошло у воды?
Ответ отсутствовал.
Вместо него стояла запись:
Выраженная негативная реакция. Контакт прекращён.
Мария посмотрела на дату.
15 июля.
Через сутки после смерти.
Она взяла следующий лист.
Это оказался дополнительный протокол, составленный 18 июля.
Контроль устойчивости автобиографической памяти.
Сохранены сведения о семье, месте проживания, предметах повседневного пользования.
Не выявлено сведений о событиях после 16:42 14 июля.
При вопросах о субъективном переживании процедуры пациент демонстрирует тревогу.
Рекомендуется исключить повторное тестирование в присутствии родителей.
Подпись врача.
И карандашная пометка на полях:
Память сохранена. Личность?
Мария задержала взгляд на последнем слове.

Не «сознание».

Не «психика».

Именно «личность».

Карандашом его дважды подчеркнули.

В 7:38 за дверью послышались шаги.

Мария быстро сложила документы в папку.

Дверь открылась без стука.

На пороге стояла девушка.

Невысокая, в коротком тёмном пальто, с мокрыми от снега волосами. На вид ей было лет двадцать. В руках она держала небольшой рюкзак.

Увидев Марию, девушка остановилась.

— Извините. Я думала, здесь никого нет.

— А вы кого ищете?

— Степана Николаевича.

— Он наверху.

— Спасибо.

Девушка уже собиралась уйти, когда Мария спросила:

— Софья?

Та обернулась.

— Да.

— Софья Белая?

Девушка насторожилась.

— Мы знакомы?

— Нет. Но я знаю вашего прадеда.

— Николая?

— Да.

Софья осталась стоять у двери.

— Он умер давно.

— Знаю.

— Тогда что вы имели в виду?

Мария посмотрела на девушку внимательнее.

Та была похожа на человека, который пришёл не туда, куда хотел, но решил не показывать, что ошибся.

— Я получила вчера его письмо.

Софья побледнела.

Совсем немного, но Мария заметила.

— Какое письмо?

— Адресованное вам.

— Я отказалась от получения.

— Поэтому оно досталось мне.

Девушка медленно опустила рюкзак на пол.

— Вы его прочитали?

— Да.

— Всё?

— Всё.

Софья прошла в комнату, закрыла дверь и села напротив.

— Тогда вы знаете про книгу.

— Знаю название.

— Вы нашли её?

— Нет.

Софья облегчённо выдохнула.

Это было странно.

Мария ожидала разочарования.

— Почему вы отказались от письма? — спросила она.

— Потому что не хотела его получать.

— Но пришли сюда искать документы прадеда.

— Это разные вещи.

— Объясните.

Софья посмотрела на папку.

— Вы ведь Мария Седова?

— Да.

— А вы знаете, кто такой Николай Белый?

— Ваш прадед.

— Это я знаю. Я спрашиваю, кто он был.

— Инженер. Работал в исследовательском институте.

Софья покачала головой.

— Вы читали его официальную биографию.

— А другую где найти?

— Не знаю.

Мария почувствовала раздражение.

— Софья, давайте договоримся. Если вы пришли разговаривать загадками, я не лучший собеседник.

Девушка опустила глаза.

Несколько секунд молчала.

Потом достала из рюкзака тонкий планшет.

— Я учусь в медицинском колледже. На втором курсе. У нас был курс истории медицины, и я делала работу про первые эксперименты по восстановлению памяти после тяжёлых поражений мозга.

— И?

— Нашла статью 2031 года. Там упоминалась программа «Преемственность».

Мария медленно села ровнее.

— Что именно?

— Что некоторые участники программы позже продолжили исследования в области цифрового моделирования нейронных связей. Это была закрытая программа, поэтому подробностей нет.

— Кто автор статьи?

— Профессор Воронцов. Он умер в 2053 году.

Софья открыла файл.

Мария увидела старую научную публикацию. Текст был сухим, академическим, с большим количеством ссылок на давно закрытые исследования.

Девушка пролистнула несколько страниц.

— Вот.

В выделенном абзаце говорилось:

Попытки реконструкции индивидуальной памяти, предпринимавшиеся в рамках программы «Преемственность» в 1998—2004 годах, не привели к созданию воспроизводимой методики. Вместе с тем отдельные результаты поставили вопрос о достаточности современных критериев непрерывности личности.

Мария перечитала предложение.

— И вы решили искать документы прадеда?

— Сначала я решила, что это совпадение. Потом нашла его фамилию в списке участников.

— Почему вы отказались от письма?

Софья закрыла планшет.

— Потому что он оставил мне не одно письмо.

— Сколько?

— Семь.

— Вы получили остальные?

— Первые шесть.

Она достала из рюкзака маленький конверт.

Положила на стол.

— Первый пришёл, когда мне исполнилось шестнадцать.

— Что в нём было?

— Поздравление.

— От прадеда?

— Да. Обычное поздравление. Он писал, что надеется, что я буду счастливой. Что не стоит бояться ошибок. Что жизнь гораздо длиннее, чем кажется в шестнадцать лет.

Мария кивнула.

— Хорошие слова.

— Мне тоже так показалось.

Софья провела пальцем по краю конверта.

— Второе письмо пришло через месяц. Там было написано, что я скоро познакомлюсь с человеком по имени Кирилл и он станет моим первым близким другом.

— Так и случилось?

— Да.

— Совпадение.

— Я тоже так подумала.

Она открыла рюкзак, достала ещё несколько конвертов и разложила их на столе.

— Третье письмо пришло перед поступлением. Прадед советовал выбрать медицину, хотя я тогда собиралась на архитектурный.

— И вы послушались?

— Нет. Я поступила на архитектурный.

Мария удивилась.

— Но вы сказали, что учитесь в медицинском колледже.

— Через четыре месяца я забрала документы и поступила туда.

— Почему?

— Мне стало неинтересно.

— Такое бывает.

— Да.

Софья улыбнулась.

— Вот именно. Такое бывает. Кириллов много. Передумать с профессией тоже можно. Но в четвёртом письме он написал, что я найду на улице собаку с повреждённой лапой. И попросил не проходить мимо.

— Нашли?

— Нет.

Мария чуть расслабилась.

— Вот видите.

— Я перестала ходить по дороге, по которой обычно возвращалась из колледжа. Каждый день делала крюк через парк.

— Из-за письма?

— Да.

— Значит, вы испугались.

— Нет. Я разозлилась.

Софья подняла голову.

— Мне надоело, что какой-то мёртвый человек рассказывает, как будет устроена моя жизнь.

Мария посмотрела на девушку с неожиданным уважением.

— Разумно.

— Я думала, он ошибётся. И тогда всё закончится.

— И?

— Через три недели Кирилл прислал мне фотографию собаки. С повреждённой лапой. Он подобрал её возле моего дома.

Софья помолчала.

— И спросил, не хочу ли я взять её себе.

— Взяли?

— Нет. Мы нашли хозяина.

— Получается, прадед ошибся.

— Получается.

Софья собрала письма.

— После этого я решила не читать остальные. Но пришло пятое.

— Почему вы его открыли?

— На конверте было написано: «Если не хотите читать, не открывайте».

Мария невольно рассмеялась.

— Оригинальный способ вызвать любопытство.

— Я тоже оценила.

Девушка впервые улыбнулась по-настоящему.

— Там было написано, что я вправе жить так, как хочу. И что письма — не инструкции. Они нужны только для того, чтобы я однажды задала правильный вопрос.

— Какой?

— «Кто решает, что я должна знать?»

Мария задумалась.

— И что было в шестом?

Улыбка исчезла.

— Там было написано про вас.

В комнате стало тихо.

— Что именно?

Софья достала последний конверт.

Бумага была светлее, чем у письма, которое получила Мария. Адрес написан тем же почерком.

— Прочитайте сами.

Мария взяла лист.

Софья.

Когда-нибудь тебе придётся выбирать между знанием и свободой.

Не верь людям, которые говорят, что эти вещи всегда идут вместе.

Иногда знание освобождает.

Иногда превращает всю последующую жизнь в попытку подтвердить или опровергнуть то, что тебе рассказали.

Если решишь искать документы о нашей семье, начни с Марии Андреевны Седовой.

Она не родственница.

Но она единственный человек, которому я когда-либо доверил собственную смерть.

Мария остановилась.

Перечитала последнее предложение.

— Что это означает?

— Я надеялась, что вы знаете.

— Нет.

Софья достала из кармана телефон.

— Я нашла вас в городском справочнике. Узнала, где вы работаете. Вчера пришла сюда.

— Я знаю. Степан рассказал.

— Он показал мне папку.

— Почему вы не стали её читать?

Девушка посмотрела на неё серьёзно.

— Потому что там было ваше имя.

— И что?

— Я не хочу узнавать о чужом человеке то, чего он сам о себе не знает.

Мария долго молчала.

За последние сутки её несколько раз удивляли гораздо более странные обстоятельства. Но именно эти слова почему-то тронули её сильнее всего.

Она посмотрела на Софью.

— Вам девятнадцать?

— Да.

— А разговариваете как человек, который уже успел разочароваться в нескольких поколениях взрослых.

— Просто мне надоело, когда за меня решают.

Мария улыбнулась.

— Понимаю.

Они помолчали.

Затем Софья спросила:

— А вы прочитали дело?

— Часть.

— И что там?

Мария посмотрела на папку.

— Там написано, что в три года я умерла.

Софья не изменилась в лице.

Не удивилась.

Не ахнула.

Только спросила:

— А потом?

— Потом, по всей видимости, ожила.

— Такое бывает.

— Бывает.

— И вы этому не верите?

Мария подумала.

— Я верю, что у меня есть документы о смерти. И что сейчас я сижу перед вами. А что происходило между этими событиями, ещё предстоит установить.

Софья кивнула.

— Это разумно.

Мария чуть приподняла брови.

— Спасибо за профессиональное заключение.

Они обе рассмеялись.

В 8:12 Софья ушла.

Перед уходом они обменялись номерами.

Мария обещала сообщить, если найдёт сведения о Николае Белом. Софья — прислать научную статью и копии первых шести писем.

Когда дверь закрылась, Мария ещё несколько минут сидела неподвижно.

Ей неожиданно понравилась эта девушка.

Не своей серьёзностью.

Не рассудительностью.

Тем, что отказалась читать чужое дело.

Мария подумала, что сама в девятнадцать лет вряд ли проявила бы подобную деликатность.

Скорее всего, прочла бы всё, что удалось найти.

Впрочем, она и сейчас делала примерно то же самое.

Она вернулась к документам.

На листе тридцать один находился список сотрудников программы «Преемственность».

Всего двенадцать фамилий.

Николай Белый — руководитель.

Андрей Седов — технический специалист.

Два врача.

Три инженера.

Психолог.

Четыре человека без указания должностей.

Мария переписала фамилии.

Затем перешла к следующему листу.

Там находился отчёт об испытании.

Объект 148.

Предварительный результат: положительный.

Сохранность индивидуальных воспоминаний: 87%.

Речевые реакции соответствуют возрасту.

Поведенческие реакции соответствуют исходному профилю.

Нейрофизиологическое соответствие: не установлено.

Последняя строка была подчёркнута красным.

Ниже стояло:

Признать процедуру завершённой условно.

Мария долго смотрела на эту фразу.

Завершённой условно.

Обычно так пишут о работах, результат которых невозможно проверить.

Но здесь объектом был ребёнок.

Она перевернула лист.

Тридцать третий оказался самым коротким.

Всего одна страница.

Заголовок:

Сравнительный анализ. Объект 148.

Под ним находились две фотографии.

На первой была девочка с мокрыми волосами.

На второй — та же девочка, в той же больничной рубашке.

Мария внимательно посмотрела на обе.

Сначала ей показалось, что это просто два снимка, сделанных с небольшим интервалом.

Потом она заметила различие.

У девочки слева под правым глазом была маленькая родинка.

У девочки справа родинки не было.

Мария машинально коснулась своего лица.

Под правым глазом ничего не было.

Она увеличила фотографии телефоном.

Родинка была отчётливо видна.

Небольшая, тёмная, круглая.

Она просмотрела снимки из семейного архива, которые сохранила на телефоне.

2001 год.

Родинка есть.

Сентябрь 2003-го.

Родинки нет.

Мария медленно положила телефон.

Маленькие родинки могли исчезать. Иногда их удаляли. Иногда они менялись с возрастом.

Но здесь фотографии были сделаны, судя по подписям, в один день.

Она перевернула лист.

На обороте обнаружилась машинописная таблица.

Две колонки.

Исходный объект.

Восстановленный объект.

Далее следовали параметры.

Рост — одинаковый.

Масса тела — различие 400 граммов.

Группа крови — одинаковая.

Отпечатки пальцев — совпадение отсутствует.

Мария перечитала последнюю строку.

Ещё раз.

Отпечатки пальцев не меняются после остановки сердца.

Даже если человек переживает тяжелейшую реанимацию.

Она опустила лист.

Внезапно ей вспомнился один случай из детства.

Ей было лет семь. Отец помогал делать школьный проект — отпечатки листьев, монет и пальцев. Они использовали обычную штемпельную краску.

Мария тогда спросила, почему у каждого человека свои линии на пальцах.

Отец ответил, что так устроена кожа.

А потом неожиданно сказал:

— Запомни, Машенька. Человек — это не его отпечатки.

Она засмеялась и спросила, что же тогда человек.

Отец долго смотрел на её руки.

— Хороший вопрос, — сказал он.

И больше ничего не объяснил.

Теперь Мария думала, что этот разговор мог быть совсем не случайным.

На последнем листе папки находился запечатанный пакет.

Бумажный, с сургучной печатью.

Мария осторожно повернула его.

С одной стороны стояла надпись:

Личное. Вскрыть после достижения объектом возраста 69 лет.

Мария родилась в сентябре 1999 года.

Шестьдесят девять ей исполнилось меньше двух месяцев назад.

Пакет был адресован ей.

Не Марии Андреевне Седовой.

А *объекту 148*.

Она положила пакет на стол.

Впервые ей не захотелось открывать документ немедленно.

Перед ней лежало что-то, оставленное людьми, которые когда-то распоряжались жизнью маленькой девочки.

Возможно, спасли её.

Возможно, сделали с ней что-то, чего не имели права делать.

Мария не знала.

Но теперь, когда девочка стала старой женщиной, эти люди снова пытались управлять происходящим.

Через даты.

Через письма.

Через специально оставленные документы.

Она вспомнила Софью.

Мне надоело, что какой-то мёртвый человек рассказывает, как будет устроена моя жизнь.

Мария неожиданно поняла, что чувствует почти то же самое.

Она достала телефон.

Открыла старую фотографию, где отец держал её на плечах.

Посмотрела на его лицо.

— Ну что, папа, — произнесла она тихо. — Что же вы там натворили?

Ответить было некому.

Мария взяла пакет.

Надорвала край.

Внутри лежали два предмета.

Первым оказался небольшой ключ из жёлтого металла.

Вторым — сложенный лист плотной бумаги.

На нём было написано от руки:

Мария.

Если вы читаете это письмо, значит, эксперимент продолжался значительно дольше, чем мы рассчитывали.

Мне неизвестно, какой оказалась ваша жизнь. Я очень надеюсь, что хорошей.

Вас будут убеждать, что вопрос о вашей подлинности имеет принципиальное значение.

Не верьте.

Вы существуете. Этого достаточно.

Но существует обстоятельство, о котором я обязан предупредить.

Восстановленная память не всегда принадлежит тому, кто её помнит.

Мы обнаружили это слишком поздно.

Не пытайтесь вспомнить события, которых не было в вашей жизни. Особенно те, которые относятся к периоду до вашего рождения.

Если такие воспоминания всё же появятся, не принимайте их за доказательство.

Найдите человека по имени Аркадий Левин.
Он знает, что мы сделали.
И знает, почему в 1998 году пришлось составить первый список.
Н. Белый.

Мария дочитала.

Положила лист.

Потом неожиданно вспомнила запах.

Не больницы.

Не воды.

Другой.

Сухой, немного горький запах нагретой пыли.

И комнату.

Большую, с высокими окнами и деревянным письменным столом. На столе стояла стеклянная чернильница, хотя люди давно пользовались авторучками.

За окном росло дерево.

Мужчина с седыми усами сидел напротив и что-то писал.

Мария смотрела на его руки.

Крупные, с выступающими суставами.

Мужчина поднял голову.

— Ты точно хочешь оставить её?

Она услышала собственный ответ.

Только голос был чужим.

Мужским.

Низким.

— Да. Если получится, пусть живёт.

Воспоминание исчезло.

Мария схватилась за край стола.

Сердце билось быстро и неровно.

Она пыталась удержать образ комнаты, но он уже распадался.

Остался только запах.

И странная уверенность, что она знала этого человека.

Не по фотографии.

Не по рассказам.

Лично.

Мария посмотрела на свои руки.

Старые руки женщины шестидесяти девяти лет.

На правом запястье — небольшой шрам от ожога, полученного в молодости.

Она никогда не была мужчиной.

Никогда не видела этой комнаты.

И не могла в 1998 году решать, кому позволить жить.

Потому что тогда ещё не родилась.

Она встала, прошла к двери и открыла её.

Коридор был пуст.

Издалека доносился шум вентиляции.

Мария постояла немного, прислушиваясь к собственному дыханию.

Потом вернулась к столу.

Записала на чистом листе всё, что помнила.

Комната.

Чернильница.

Дерево.

Седые усы.

Вопрос.

Ответ.

Она поставила время: 8:46.

И ниже написала:

Воспоминание возникло после чтения письма. Возможное объяснение — воображение, вызванное внушением.

Мария посмотрела на запись.

Добавила ещё одну строку:

Голос был мужским. Не мой.

Она перечитала написанное.

Подумала.

И зачеркнула последние два слова.

Нельзя было утверждать, что голос не её, пока она не понимала, что именно произошло.

В 8:52 Мария вернула документы в папку.

Ключ положила в карман.

Письмо — в сумку.

На столе осталась тетрадь с описью трёх книг.

Она открыла страницу двенадцать ещё раз.

Посмотрела на подпись.

И вдруг заметила то, чего не увидела раньше.

Под росчерком, почти сливаясь с линией, стояли две маленькие буквы.

А. Л.

Не часть подписи.

Инициалы.

Мария достала телефон и открыла справочник.

Аркадий Левин.

Поиск выдал несколько десятков человек.

Она уточнила возраст.

Тех, кто мог работать в 1998 году, осталось трое.

Первый умер в 2034-м.

Второй — в 2059-м.

Третий родился в 1967 году.

Аркадий Семёнович Левин.

Бывший научный сотрудник.

Место проживания — Ольхов.

Возраст — сто один год.

Статус: жив.

Мария посмотрела на адрес.

Улица Мельничная, дом 18.

Квартира номер один.

В том же доме, где жила Софья Белая.

Она несколько секунд сидела неподвижно.

Потом закрыла справочник.

Странности начинали складываться не в объяснение, а в географию.

У всех этих событий было одно место.

Дом на Мельничной.

Она решила, что пойдёт туда сегодня.

Не потому, что верила письмам.

Потому что человек, способный ответить на её вопросы, находился в двадцати минутах езды.

И если ему действительно сто один год, откладывать разговор было бы неразумно.

В 9:07 Мария поднялась на первый этаж.

Степан стоял у стойки охраны и разговаривал со сменщиком.

Увидев её, он прервал разговор.

— Нашли что-нибудь?

— Нашла.

— И что теперь?

— Теперь поеду разговаривать с одним стариком.

Степан кивнул.

— С Левиным?

Мария остановилась.

— Вы его знаете?

— Нет.

— Откуда тогда фамилия?

— Он звонил вчера вечером.

— Кому?

— Сюда. На пост охраны.

— Что хотел?

Степан достал из ящика маленький листок.

— Попросил передать вам сообщение, если вы сегодня придёте.

Мария почувствовала раздражение.

— И вы молчали?

— Он сказал передать после того, как вы прочтёте дело.

— Степан, вы понимаете, насколько это странно?

— Понимаю.

— И вас ничего не беспокоит?

Он посмотрел на неё.

— Мария Андреевна, я двадцать два года работаю охранником. Моя обязанность — следить, чтобы в здание не заходили посторонние и чтобы отсюда ничего не выносили. Я не обязан понимать всё, что здесь происходит.

Он протянул листок.

На нём было написано:

Марии Седовой.

Если вы придёте ко мне, пожалуйста, не приносите фотографию.

Я не хочу снова видеть человека, который на ней изображён.

А. Левин.

Мария прочитала сообщение.

— Он сказал, почему?

— Нет.

— И больше ничего?

Степан поколебался.

— Ещё кое-что.

— Что?

— Он спросил, сколько вам лет.

— Вы ответили?

— Да. Сказал, что шестьдесят девять.

— И?

Степан посмотрел на неё уже без обычной невозмутимости.

— Он заплакал.

Мария не сразу поняла.

— Кто?

— Левин.

— По телефону?

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

Степан провёл ладонью по лицу.

— Сначала молчал. Я даже подумал, что связь оборвалась. Потом услышал, как он плачет.

— И что сказал?

— Только одну фразу.

— Какую?

Степан посмотрел на закрытые двери архива.

— «Значит, мы всё-таки не убили её второй раз».

Мария медленно сложила записку.

Положила в карман.

И вышла на улицу.

Снег закончился.

За ночь город побелел, но дороги уже успели почернеть от колёс.

До автобуса оставалось четыре минуты.

Мария направилась к остановке, по привычке обходя лужи.

Она больше не пыталась понять, кто именно умер в 2002 году.

У неё появился вопрос важнее.

Если её действительно восстановили, почему все эти люди так боялись, что она однажды начнёт вспоминать?

Глава 4. Человек, который помнил

Дом на Мельничной оказался совсем не таким, каким Мария его помнила.

Старую деревянную веранду давно разобрали. Вместо неё появилась стеклянная пристройка с отдельными входами в квартиры. Кирпичные стены покрыли светлой штукатуркой, крышу заменили, а двор выложили плиткой.

От прежнего дома остались только два старых клёна возле ворот.

Мария остановилась перед калиткой.

Она помнила, как однажды зимой отец поднимал её на руки, чтобы она могла дотянуться до нижней ветки одного из этих деревьев. С ветки свисала огромная сосулька. Мария хотела её достать, но отец запретил.

— Упадёт на голову, — сказал он.

Она обиделась.

Отец достал из кармана перочинный нож, осторожно срезал сосульку и протянул ей.

Сосулька была прозрачной, с пузырьками воздуха внутри.

Мария держала её в варежках и смотрела сквозь неё на солнце.

Она хорошо помнила этот случай.

Но теперь не могла понять, действительно ли он произошёл или память просто достала подходящую картинку из прошлого.

До сегодняшнего утра она никогда не сомневалась в собственных воспоминаниях.

Теперь сомнение стало почти физическим.

Она открыла калитку.

Возле подъезда стояла старая деревянная скамейка. На ней сидела женщина в синем пуховике и курила.

— Вам кого? — спросила женщина.

— Левина. Аркадия Семёновича.

— Первая квартира. Только вы лучше позвоните сначала. Он дверь незнакомым не открывает.

— Спасибо.

Мария подошла к домофону и нажала кнопку.

Ответили почти сразу.

— Да?

Голос был старым, но довольно твёрдым.

— Аркадий Семёнович? Это Мария Седова.

Молчание.

Потом щелчок замка.

— Поднимайтесь. Я жду.

Квартира оказалась неожиданно просторной.

Высокие потолки, старый паркет, широкие подоконники. Вероятно, при реконструкции сохранили внутреннюю планировку первого этажа.

Дверь открыл невысокий мужчина в тёмных брюках и шерстяном кардигане.

На вид ему можно было дать восемьдесят пять, но никак не сто один год.

Седые волосы были аккуратно зачёсаны назад. Лицо худое, с глубокими морщинами вокруг рта. Глаза светло-серые, внимательные.

В левой руке он держал трость.

— Мария Андреевна, — произнёс он.

Не спросил.

Назвал.

Мария остановилась на пороге.

— Здравствуйте.

Он смотрел на неё долго и пристально.

Затем медленно улыбнулся.

Улыбка получилась странной. Словно человек увидел не старую знакомую, а что-то, во что давно перестал верить.

— Проходите.

Мария сняла пальто.

Левин повесил его на вешалку и повёл гостью в комнату.

Там стоял большой письменный стол, несколько книжных шкафов и диван, обитый тёмно-зелёной тканью. Возле окна рос фикус в огромном керамическом горшке.

На столе лежала раскрытая книга.

Рядом — увеличительное стекло.

— Чай? — спросил Левин.

— Спасибо, не нужно.

— Кофе?

— Я бы предпочла разговор.

— Разговор тоже можно вести за чашкой чая.

Мария посмотрела на него.

— Аркадий Семёнович, мне шестьдесят девять лет. Я всю жизнь работаю с документами. За последние сутки я обнаружила, что в детстве умерла, затем каким-то образом ожила, а люди, которые это устроили, оставили мне несколько писем и загадок. Я бы хотела узнать, что произошло. Желательно без дополнительного чаепития.

Левин выслушал её совершенно спокойно.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда садитесь.

Он указал на кресло.

Сам опустился на диван.

Трость положил рядом.

— С чего начнём?

— С фотографии.

Левин слегка поморщился.

— Я просил не приносить её.

— Я не принесла.

— Благодарю.

— Кто мужчина, который держит меня на руках?

Левин посмотрел в окно.

— Какой именно снимок вы видели?

— Июль 2002 года. Николай Белый стоит рядом с мужчиной, который держит маленькую девочку. На обороте написано моё имя.

— Понятно.

— Кто он?

— Его звали Михаил Горин.

Мария достала телефон.

— Можно записывать?

— Можно.

Она включила диктофон.

— Михаил Горин. Кто он был?

— Физик. Очень талантливый. Необыкновенно самоуверенный.

— Жив?

— Нет. Умер в 2038 году.

— Почему вы не хотели видеть его фотографию?

Левин задумался.

— Потому что последние тридцать лет я пытаюсь решить, был ли он гением или преступником.

— И не решили?

— Нет.

— А вы?

— Что я?

— Вы участвовали в программе «Преемственность»?

— Да.

— В какой роли?

— Я занимался моделированием памяти.

Мария посмотрела на его руки.

На правой кисти не хватало кончика указательного пальца.

— Вы психолог?

— Нет. Математик.

— Тогда каким образом вы моделировали память?

Левин чуть улыбнулся.

— В 1998 году это был вполне закономерный вопрос. Сейчас я бы ответил, что мы моделировали не память, а некоторые способы её организации.

— В чём разница?

— Память — это содержание. Способ организации — это то, как содержание связано между собой.

Он взял со стола книгу.

— Вы, например, можете знать наизусть несколько страниц этого романа. Я тоже могу их знать. Но наши воспоминания об этих страницах будут разными.

— Естественно.

— Почему?

— Потому что у нас разный опыт.

— Именно. Каждый новый факт попадает не в пустое место. Он соединяется с тем, что уже существует.

Левин положил книгу.

— Мы пытались понять, какие связи создают ощущение непрерывности собственного существования.

— Зачем?

— Потому что Николай хотел спасти сына.

Мария замерла.

— Павла?

— Да.

— Но Павел прожил до 2047 года.

— Прожил.

— Значит, вы его спасли?

Левин опустил глаза.

— Нет. Мы спасли не его.

В комнате стало тихо.

За окном проехала машина. Где-то в доме включили воду. Было слышно, как трубы едва заметно постукивают в стене.

Мария ждала.

Левин долго рассматривал собственные руки.

Потом сказал:

— В 1997 году Павел Белый попал в автомобильную аварию. Ему было девять лет. Тяжёлая черепно-мозговая травма. Он провёл несколько недель без сознания.

— Я этого не знала.

— Об этом мало кто знал. Николай добился, чтобы медицинские документы закрыли.

— Павел восстановился?

— Физически — почти полностью. Но некоторые воспоминания исчезли. Он перестал узнавать отдельных людей, забыл события раннего детства, изменились привычки.

— После тяжёлой травмы такое возможно.

— Конечно. И врачи так говорили. Но Николай не мог принять происходящее.

— Почему?

— Он считал, что потерял сына, хотя тело осталось живым.

Мария нахмурилась.

— Странная позиция.

— Очень странная. Особенно для отца. Но Николай был человеком, который привык решать любые задачи техническими средствами.

— И он решил восстановить память Павла?

— Да. Собрал группу исследователей. Большинство из нас тогда работали в разных институтах. Денег было мало, оборудования ещё меньше, но Николай умел убеждать.

— И вам удалось?

— Мы получили некоторые результаты.

— Какие?

Левин провёл ладонью по подлокотнику.

— Павел начал вспоминать вещи, которых не мог помнить.

Мария промолчала.

— Например, разговор Николая с женой, который происходил за несколько лет до рождения Павла. Он рассказал его с подробностями. Николай сначала решил, что это случайная выдумка.

— Возможно, кто-то пересказал.

— Мы проверяли. Не только это. Были другие случаи.

— Какие?

— Неопубликованные научные данные. Чужие личные воспоминания. Иногда совершенно бессмысленные детали.

— И что вы решили?

Левин посмотрел на неё.

— Что наша модель работает неправильно.

Мария неожиданно почувствовала облегчение.

Наконец-то кто-то произнёс нормальную научную фразу.

Не «тайна».

Не «чудо».

Не «невозможное».

Модель работает неправильно.

— А что было дальше?

— Мы попытались выяснить причину ошибки.

— Нашли?

Левин покачал головой.

— Нет. Мы нашли нечто гораздо хуже.

Он замолчал.

Мария подождала.

— Аркадий Семёнович, что именно?

— Данные, которых ещё не существовало.

Мария откинулась на спинку кресла.

— Объясните.

Левин поднялся.

Подошёл к шкафу, открыл стеклянную дверцу и достал тонкую папку.

Он двигался медленно, но уверенно. Мария заметила, что трость ему почти не требовалась.

— В 1998 году, — начал он, возвращаясь к дивану, — мы анализировали результаты экспериментов с Павлом. Часть данных хранилась на магнитных носителях. Сами эксперименты проводились на специально созданном вычислительном комплексе.

— И?

— В одном из файлов обнаружились сведения, которые никто из нас туда не записывал.

— Какие сведения?

— Имена. Даты. Адреса. Иногда короткие биографические справки.

— Чьи?

— Людей, которые тогда ещё не родились.

Мария не ответила.

Левин открыл папку.

Внутри лежали копии старых распечаток.

— Вот первая запись, которую мы смогли проверить.

Мария прочитала.

Савельева Анна Дмитриевна.

Дата рождения: 06.03.2003.

Место рождения: Ольхов.

Адрес проживания в 2025 году: улица Полевая, дом 7.

Профессия: учитель.

— И что?

— В 2003 году действительно родилась Анна Савельева. В 2025-м она жила на Полевой. Работала в школе.

— Совпадение.

— Возможно.

— Вы проверили только один случай?

— Нет. Двести тридцать один.

Мария подняла голову.

— Сколько совпало?

— Сто восемьдесят четыре.

— По каким параметрам?

— Имя, дата рождения, место проживания в указанном году. Иногда профессия.

— А остальные?

— Часть данных не подтвердилась. Часть невозможно проверить.

— И вы решили, что получили сведения из будущего?

— Николай решил.

— А вы?

Левин посмотрел на распечатки.

— Я решил, что необходимо сначала исключить все обычные объяснения.

— Исключили?

— Нет.

Мария удивилась.

— Как же тогда вы продолжили работу?

— Потому что обнаружили ещё одну особенность.

Он перевернул страницу.

— В некоторых записях изменялись сведения.

— Как это?

— Однажды мы распечатали карточку человека, который должен был родиться через пять лет. Через несколько месяцев открыли исходный файл и обнаружили, что дата рождения изменилась.

— Компьютерный сбой.

— Мы так и подумали.

— А потом?

— Потом этот человек родился в новую дату.

Мария внимательно посмотрела на старика.

— Вы понимаете, что рассказываете историю, которую невозможно проверить по вашим словам?

— Да.

— Тогда зачем рассказываете?

— Потому что вы спросили.

Это был неплохой ответ.

Мария невольно усмехнулась.

— Хорошо. Допустим, вы действительно получили сведения о будущих событиях. Какое отношение это имеет ко мне?

Левин медленно закрыл папку.

— Самое непосредственное.

— Какое?

— Ваше имя появилось в первой версии списка.

— В 1998 году?

— Да.

— За год до моего рождения?

— Да.

— И что было написано?

Левин помолчал.

— Что вы умрёте в 2002 году.

Мария почувствовала, как внутри неприятно сжалось.

— Значит, вы знали заранее?

— Не мы. Николай.

— В чём разница?

— В том, что к моменту вашей смерти программа уже не была единой. Группа распалась.

— Почему?

— Из-за разногласий.

— По поводу чего?

Левин долго молчал.

— По поводу права вмешиваться.

Мария сняла очки.

Протёрла стёкла салфеткой.

Надела обратно.

Ей требовалось время, чтобы отделить факты от рассказа.

Факт первый: она действительно нашла документы о собственной смерти.

Факт второй: после указанной даты её жизнь продолжалась.

Факт третий: медицинские документы содержали признаки необычного вмешательства.

Всё остальное пока было лишь словами столетнего человека.

— Аркадий Семёнович, — сказала она, — вы понимаете, что даже если ваши сведения о будущем были подлинными, из этого не следует, что будущее можно изменить?

— Понимаю.

— Более того, если вы заранее знали о моей смерти и попытались её предотвратить, то могли сами создать условия, при которых я погибла.

Левин посмотрел на неё с неожиданным интересом.

— Именно.

— Что именно?

— Вы сейчас сформулировали причину нашего раскола.

— Николай хотел вмешиваться?

— Николай считал, что если мы знаем о будущей трагедии, то обязаны попытаться её предотвратить.

— А вы?

— Я считал, что сначала нужно разобраться, что именно мы знаем.

— Здравый подход.

— К сожалению, очень неудобный для людей, потерявших близких.

Мария задумалась.

— И всё же вы вмешались в мою судьбу.

— Да.

— Почему?

Левин посмотрел на неё.

— Потому что Николай пришёл ко мне и сказал, что вы умрёте.

— И вы решили меня спасти?

— Нет.

— Тогда что?

— Я попытался отговорить его от того, что он собирался сделать.

— От чего?

Левин отвернулся к окну.

— Он хотел доказать, что смерть можно обойти.

Мария молчала.

Старик взял стакан воды со стола, сделал несколько маленьких глотков.

— До этого мы занимались памятью, — продолжил он. — Работали с моделями, изучали восстановление связей, исследовали нарушения восприятия собственной биографии. Но у Михаила Горина возникла другая идея.

— Какая?

— Что человека можно восстановить не только в его собственном мозге.

— А в чём ещё?

— В другом.

Мария посмотрела на него.

— Вы хотите сказать, что перенесли мою память другому ребёнку?

— Да.

Он произнёс это спокойно.

Без драматической паузы.

Мария несколько секунд не двигалась.

Потом спросила:

— Кому?

Левин опустил взгляд.

— Другой девочке.

— Кто она была?

— Мы не знали её имени.

— Как это — не знали?

— Нам сообщили, что ребёнок найден без сознания после несчастного случая. Тяжёлая травма. Вероятность восстановления оценивалась как крайне низкая.

— Кто сообщил?

— Михаил.

— А откуда он её взял?

— Он утверждал, что получил ребёнка через медицинских посредников.

Мария медленно сжала пальцы.

— Вы проводили эксперимент на трёхлетней девочке, не зная, кто её родители?

Левин не ответил.

— Вы серьёзно?

— Да.

— И чем вы тогда отличались от преступников?

Старик поднял глаза.

— Я не уверен, что отличались.

Мария откинулась в кресле.

Её внезапно затошнило.

Не от того, что она могла оказаться чужим ребёнком.

От спокойствия, с которым Левин произносил эти слова.

— Продолжайте.

— В четырнадцать часов того дня нам сообщили, что ваша жизнь в опасности. Вы находились возле пруда. В шестнадцать девятнадцать вас доставили в больницу. В шестнадцать сорок две констатировали смерть.

— А вы?

— Мы уже были готовы.

— К чему?

— К переносу.

— Как вы могли быть готовы, если не знали, что произойдёт?

Левин посмотрел на неё.

— Мы знали дату.

— И ждали?

— Да.

— Вы даже не попытались предотвратить мою смерть?

Старик ничего не сказал.

Мария поднялась.

— Ответьте.

— Николай запретил вмешиваться до наступления события.

— Почему?

— Он боялся, что любое изменение сделает наши расчёты бесполезными.

— И поэтому позволил ребёнку утонуть?

— Он рассчитывал, что выживете.

— Но я умерла.

— Да.

Мария подошла к окну.

Во дворе женщина в синем пуховике разговаривала по телефону. Возле ворот стоял велосипед, занесённый снегом.

Жизнь продолжалась.

Всё выглядело совершенно обычно.

И именно это было невыносимо.

— Значит, вы заранее знали, что трёхлетняя девочка может погибнуть, — произнесла она, не оборачиваясь. — Но решили ничего не предпринимать, потому что хотели проверить расчёт.

— Не совсем.

— Тогда объясните, в чём я ошибаюсь.

Левин долго молчал.

— Николай отправил к пруду человека. Чтобы тот следил за вами.

Мария обернулась.

— Кого?

— Михаила.

— И что?

— Михаил утверждал, что не успел.

— Не успел спасти?

— Да.

— Вы ему поверили?

— Тогда — да.

— А сейчас?

Левин посмотрел на пустой стакан.

— Сейчас я думаю, что он вообще не пытался.

Мария вернулась в кресло.

— Почему?

— Потому что эксперимент требовал исходного события.

— Смерти?

— Да.

— Но вы же говорили, что хотели спасти меня.

— Николай хотел спасти. Михаил хотел проверить свою теорию.

— А вы?

Левин долго смотрел на неё.

— Я хотел остановить их обоих.

— И не остановили.

— Нет.

Мария почувствовала усталость.

Ей вдруг показалось, что перед ней сидит не человек, а остаток очень давней катастрофы.

Все участники давно умерли.

Все последствия достались другим.

А этот старик продолжал хранить объяснения.

— Что произошло с другой девочкой? — спросила она.

Левин не сразу понял.

— С какой?

— С той, в чей мозг вы перенесли мою память.

Он медленно выдохнул.

— Она очнулась.

— Как её звали?

— Я уже сказал, мы не знали.

— И вы не пытались выяснить?

— Пытались. Позже.

— Нашли родителей?

— Нет.

— Что с ней стало?

Левин посмотрел Марии прямо в глаза.

— Вы выросли.

Мария молчала.

— Вы закончили школу. Поступили в институт. Вышли замуж. Родили дочь. Работали. Жили.

— Значит, я и есть та девочка.

— Физически — да.

— А память?

— Принадлежала Марии Седовой, погибшей четырнадцатого июля.

Она провела рукой по лицу.

— Иными словами, вы стёрли память одной девочки и заменили её памятью другой?

— Мы не знали, сохранилась ли её собственная память.

— Это не ответ.

— Нет, — согласился Левин. — Не ответ.

Мария посмотрела на фотографию, стоявшую на дальнем шкафу.

Там был изображён пожилой мужчина с женщиной и двумя детьми.

Семейный снимок.

Ей захотелось спросить, знают ли дети этого человека, чем занимался их дед.

Но она удержалась.

— А почему вы уверены, что перенесли именно мою память?

— Потому что после процедуры вы узнавали родителей, игрушки, дом, отвечали на вопросы.

— Но всё это можно было внушить.

— Можно.

— Вы проверяли независимые воспоминания?

— Да.

— И?

— Совпадение составляло около восьмидесяти семи процентов.

Мария вспомнила цифру в отчёте.

— А остальные тринадцать?

— Мы тогда решили, что это ошибки реконструкции.

— А сейчас?

Левин посмотрел на неё.

— Сейчас я не знаю, сколько в вас осталось от той девочки, которая существовала до процедуры.

Мария почувствовала, что это первая по-настоящему важная фраза за весь разговор.

Не ответ.

Вопрос.

Кем была девочка, чьё тело стало её телом?

И куда исчезла её собственная жизнь?

— А мой отец? — спросила Мария.

— Андрей?

— Да.

— Он знал.

— Всё?

— Почти всё.

— И продолжал считать меня дочерью?

Левин удивился.

— Разумеется.

— Почему?

— Потому что вы были его дочерью.

— Но не по крови.

— Он не считал это главным.

Мария закрыла глаза.

Она вспомнила его руки.

Картошку с луком.

Подаренный велосипед.

Случай в парке.

Разговор об отпечатках пальцев.

И внезапно поняла, что ошибалась, когда думала об отцовской сдержанности как о недостатке любви.

Возможно, он всю жизнь боялся причинить ей боль.

Возможно, каждый раз, когда обнимал дочь, вспоминал, что когда-то потерял её.

Или что обнимает другого ребёнка.

Она не знала.

И теперь уже не могла спросить.

— А мать?

— Елена знала меньше.

— Что именно?

— Что вы умерли и что после экспериментальной процедуры удалось восстановить жизнь другой девочки с вашими воспоминаниями.

— И она согласилась?

— Не сразу.

— Но согласилась.

— Да.

Мария вспомнила материнские слова.

Ты ведь у меня вторая.

Теперь они приобрели иной смысл.

Мать не путала детей.

Она помнила обеих.

Может быть, именно поэтому временами смотрела на Марию так странно.

Не потому, что дочь была чужой.

Потому что любила одну девочку, похоронила её и получила другую, которой надо было научиться любить без постоянного сравнения.

Мария почувствовала, как к горлу подступает ком.

Она отвернулась.

Левин молчал.

За это молчание Мария была ему благодарна.

Через несколько минут она спросила:

— Почему Николай Белый оставил мне письмо только сейчас?

— Не знаю.

— Почему в нём упоминается Софья, которая родилась через двадцать восемь лет после его смерти?

— Потому что её имя было в списке.
— Вы видели список 2021 года?
— Да.
— И там было её имя?
— Было.
— А что ещё?
Левин медленно поднялся.
Подошёл к письменному столу.
Открыл ящик.
Достал маленькую металлическую коробку.
— Я хотел передать это вам после разговора.
Он поставил коробку перед Марией.
На крышке был выгравирован номер.
003.
— Что это?
— Не знаю.
— Вы её не открывали?
— Нет.
— Почему?
— Не смог.
Мария подняла коробку.
Она была тяжёлой. На торце находилось небольшое отверстие под ключ.
Мария достала из кармана ключ, найденный в пакете.
Он подошёл.
Замок щёлкнул.
Внутри лежал небольшой накопитель в металлическом корпусе и сложенный лист бумаги.
Мария раскрыла лист.
Мария.
Если вам передали эту коробку, значит, Аркадий всё-таки решился рассказать вам правду.
Он хороший человек.
Лучше, чем думает о себе.
Но даже хорошие люди иногда совершают поступки, которые невозможно исправить.
Накопитель содержит третью редакцию списка.
Вы можете открыть её.
Можете уничтожить.
Можете передать в архив.
Решение принадлежит вам.
Только помните: список не предсказывает неизбежное.
Он описывает то будущее, которое становится вероятнее, когда люди начинают в него верить.
Николай Белый.
Мария перечитала последние строки.
— Это ведь не объяснение.
Левин кивнул.
— Нет.
— Как может список, составленный заранее, учитывать людей, которые ещё не родились?
— Я уже сто лет пытаюсь понять.

— А что будет, если его открыть?

— Не знаю.

Мария посмотрела на него с раздражением.

— Вы вообще что-нибудь знаете?

Левин неожиданно улыбнулся.

— Знаю.

— Что?

— Что вам лучше пить чай. Вы уже почти два часа здесь, а с утра, вероятно, ничего не ели.

Мария хотела возразить, но вдруг рассмеялась.

Смех получился нервным и коротким.

— Хорошо. Давайте ваш чай.

Они сидели на кухне.

Левин налил чай в две старые фарфоровые чашки. На одной была трещина, аккуратно склеенная прозрачным составом.

Мария заметила её.

— Почему не выбросите?

— Это чашка моей жены.

— Она умерла?

— В 2054 году.

— Соболезную.

— Спасибо. Хотя за двенадцать лет я уже привык.

Мария посмотрела на старика.

— Двенадцать?

Левин замер.

Затем медленно поставил чайник.

— Простите.

— Вашей жены нет уже четырнадцать лет.

Он кивнул.

— Четырнадцать.

Мария внимательно наблюдала за ним.

— Вы забыли?

— Да.

— В вашем возрасте бывает.

— Бывает.

Но выглядел он не как человек, забывший дату.

Скорее как человек, который по привычке назвал время, соответствовавшее другой точке отсчёта.

Мария не стала спрашивать.

Она сделала глоток чая.

— Аркадий Семёнович, почему вы живёте именно в этом доме?

— Давно здесь живу.

— С какого года?

— С 2064-го.

— До этого?

— На другом конце города.

— И случайно поселились здесь, рядом с Софьей Белой?

Левин улыбнулся.

— Вы действительно всю жизнь работали с документами.

— Да.

— Нет. Не случайно.

— Тогда почему?

Он посмотрел на чашку с трещиной.

— Потому что в списке было написано, что однажды вы придёте сюда.

Мария медленно отставила чашку.

— Вы купили квартиру из-за записи?

— Да.

— А если бы не купили?

— Вы не пришли бы.

— Значит, список не предсказал событие. Вы его организовали.

Левин поднял глаза.

— Возможно.

— И многие записи сбылись именно потому, что вы сами старались их исполнить?

— Не все.

— Но некоторые?

— Да.

Мария кивнула.

Наконец-то появилось объяснение, которое не требовало фантастики.

Достаточно группы людей, получивших перечень будущих событий и последовательно создававших условия для их наступления.

Такая система могла работать десятилетиями.

Особенно если участники имели доступ к документам, медицинским данным и административным решениям.

Но оставался вопрос.

Откуда взялся первый список?

И почему именно она должна передать третий?

— Скажите, — спросила Мария, — вы знали о моей смерти заранее?

— Да.

— И о том, что мы сегодня встретимся?

— Да.

— А вы знаете, что я сейчас скажу?

Левин улыбнулся.

— Нет.

Мария подалась вперёд.

— Тогда слушайте. Я не собираюсь делать то, что записано в вашем списке, только потому, что кто-то это предусмотрел.

Старик перестал улыбаться.

— Я на это и надеялся.

— Почему?

— Потому что однажды вы уже отказались.

— От чего?

Левин молчал.

Мария почувствовала раздражение.

— Аркадий Семёнович, опять загадки?

Он покачал головой.

— Нет. Я просто не знаю, имею ли право об этом рассказывать.

— После всего, что вы уже рассказали?

— Особенно после этого.

Мария поднялась.

— Хорошо. Тогда на сегодня достаточно.

Она взяла коробку.

Положила её в сумку.

— Спасибо за чай.

Левин тоже встал.

— Мария Андреевна.

— Да?

— Вы спросили, откуда взялся первый список.

— Спросила.

— В 1998 году мы решили, что он появился в результате сбоя вычислительного комплекса.

— А сейчас?

Левин подошёл к окну.

— Сейчас я думаю, что мы получили его от человека, который хотел предупредить нас об ошибке.

— О какой ошибке?

— О нас самих.

Мария молчала.

— Мы думали, что научились восстанавливать людей. А возможно, всего лишь научились создавать тех, кто считает себя ими.

— И какая разница?

Левин повернулся.

— Вот именно этот вопрос и разделил нас.

В прихожей Мария надела пальто.

Старик помог ей застегнуть верхнюю пуговицу. Она хотела отказаться, но не стала.

В этом маленьком жесте не было ничего особенного.

Он просто увидел, что ей неудобно поднимать руку.

— Вы очень похожи на Елену, — сказал Левин.

Мария удивилась.

— Вы знали мою мать?

— Да.

— Она вам нравилась?

Левин улыбнулся.

— Очень.

— А она вас любила?

Он посмотрел на неё.

— Нет. Она любила вашего отца.

Мария вдруг почувствовала желание обнять этого старика.

Не потому, что простила ему прошлое.

Она ничего ему не простила.

Но он был одним из последних людей, помнивших её родителей молодыми.

И, вероятно, последним, кто мог рассказать о той девочке, которой она когда-то была.

— Аркадий Семёнович, — сказала она, — я ещё приду.

— Буду рад.

Она открыла дверь.

— И ещё один вопрос.

— Конечно.

— Вы сказали, что я однажды уже отказалась. Когда?

Левин долго смотрел на неё.

— В 1998 году.

— Но я тогда не родилась.

— Да.

— Значит, вы путаете.

— Возможно.

Мария вздохнула.

— Хорошо. До свидания.

Она вышла на лестничную площадку.

Дверь за ней закрылась.

На улице уже было почти одиннадцать.

Солнце пробивалось сквозь облака. Снег на ветвях клёнов начал таять, и крупные капли падали на плитку.

Мария остановилась возле скамейки.

Достала телефон.

Открыла диктофон.

Запись разговора сохранилась.

Почти два часа.

Она пролистнула её до момента, когда Левин рассказывал о первой версии списка.

Нажала воспроизведение.

— Ваше имя появилось в первой версии списка.

— В 1998 году?

— Да.

— За год до моего рождения?

— Да.

Мария выключила запись.

Посмотрела на дом.

На первом этаже, за одним из окон, стоял Аркадий Левин.

Он смотрел на неё.

Мария подняла руку.

Старик ответил тем же жестом.

Затем отошёл от окна.

Она направилась к калитке.

В этот момент телефон завибрировал.

Пришло сообщение от Софьи.

Мария Андреевна, простите, что беспокою. Я нашла кое-что странное в письмах прадеда.

Мария остановилась.

Что именно?

Ответ пришёл почти сразу.

В шестом письме есть дата вашего рождения. 19 сентября 1999 года.

Мария нахмурилась.

Да. Это моя дата рождения.

Но на обороте конверта есть ещё одна дата. Я раньше не обращала внимания.

Какая?

14 ноября 2068 года.

Мария посмотрела на экран.

Завтра.

И что там написано?

Софья прислала фотографию.

На обратной стороне конверта, мелким почерком Николая Белого, было написано:

День рождения Марии Седовой.

Мария долго рассматривала снимок.

Потом открыла телефонный календарь.

Сегодня было 13 ноября.

Через несколько часов наступит 14-е.

В тот день, когда она должна передать в архив третью редакцию списка.

Она набрала Софье:

Вы сейчас дома?

Да.

Можно зайти?

Конечно.

Мария повернулась и снова пошла к дому.

Она ещё не знала, что через несколько минут увидит фотографию, которая заставит её усомниться не только в собственном прошлом.

Но и в том, что прошлое вообще существует в единственном экземпляре.

Глава 5. Два июля

Софья открыла дверь почти сразу.

Она была босиком, в широких домашних брюках и футболке с выцветшей надписью на английском. Волосы собраны в небрежный узел. На носу — небольшие круглые очки, которых утром Мария не заметила.

— Вы быстро.

— Я была у вашего соседа.

Софья замерла.

— У Аркадия Семёновича?

— Да.

— Он с вами разговаривал?

— Почти два часа.

Девушка отступила, пропуская её в квартиру.

— Тогда, наверное, вам сейчас не очень хорошо.

Мария удивилась.

— Почему?

— После разговора с ним у людей обычно такое лицо.

— Вы часто с ним разговариваете?

— Иногда. Он помогает мне с математикой.

— С математикой?

— С биостатистикой. У нас преподаватель считает, что объяснять материал ниже его достоинства. А Аркадий Семёнович считает, что если студент не понял, значит, преподаватель плохо объяснил.

Мария сняла пальто.

— Любопытный человек.

— Очень. Только иногда забывает, какой сейчас год.

Софья провела её на кухню.

Квартира была небольшой, но светлой. Два окна выходили во двор, третье — на улицу. Возле одного стоял стол с раскрытым учебником анатомии. На стене висела схема кровообращения, нарисованная от руки.

Мария заметила несколько комнатных растений и старый механический будильник.

— Вы здесь одна живёте?

— Да. Родители в другом городе.

— А квартира?

— Дедушкина. Он оставил её мне.

Мария села.

— Павел?

— Нет, это дед по маминой линии. Андрей — мой отец, он жив.

Мария смутилась.

— Простите. Я сегодня несколько путаюсь в вашей семейной истории.

— Ничего. Там действительно легко запутаться.

Софья принесла две чашки и заварочный чайник.

— Вы чай будете?

Мария рассмеялась.

— Сегодня весь ваш дом намерен напоить меня чаем?

— А что, Аркадий Семёнович уже пытался?

— И успешно.

— Тогда могу предложить воду.

— Давайте лучше займёмся фотографией.

Софья поставила чайник на стол.

— Хорошо.

Она принесла из комнаты небольшую картонную коробку.

— Здесь письма прадеда и всё, что я успела найти о нём.

В коробке лежали конверты, несколько листов, маленькая записная книжка и две фотографии.

Одну Мария уже видела.

Николай Белый.

Михаил Горин.

Девочка на руках.

Деревянный дом.

Софья положила рядом вторую.

Мария наклонилась.

Сначала ей показалось, что перед ней две копии одного снимка.

Но потом она заметила различие.

На первой фотографии девочка смотрела прямо в объектив.

На второй — повернула голову к мужчине, который держал её на руках.

Ничего необычного. Два последовательных кадра.

Однако на второй фотографии за спиной Николая стояла ещё одна девочка.

Примерно того же возраста.

В светлом платье.

Мария поднесла снимок ближе.

У второй девочки была маленькая родинка под правым глазом.

— Где вы это нашли?

— В шестом письме. Фотография была вложена между двумя листами. Я тогда её не заметила.

— А первую?

— Прислали в первом письме. Когда мне исполнилось шестнадцать.

Мария положила снимки рядом.

Девочки были очень похожи.

Одинаковые светлые волосы.

Одинаковая форма лица.

Даже платья выглядели похожими, хотя у девочки на руках оно было с синими полосками, а у второй — с небольшими цветами.

Мария почувствовала, как холодеют пальцы.

Она вспомнила своё детское платье.

То самое, с полосками, которые ей не нравились.

Я хотела платье с цветами.

Она всмотрелась во вторую девочку.

И внезапно поняла, что никогда не видела себя в таком платье.

Но очень хорошо помнила, как хотела его.

— Что с вами? — спросила Софья.

— Ничего.

Мария достала из сумки конверт Николая Белого.

Вынула фотографию.

Положила рядом.

Теперь на столе лежали три снимка.

Два почти одинаковых.

Третий — первый из двух, но немного иначе обрезанный.

Мария взяла увеличительное стекло, которое Софья принесла из комнаты.

На первой фотографии за плечом Николая действительно виднелась часть светлого платья.

Мария прежде решила, что это её мать.

Теперь стало ясно, что там стояла девочка.

Не женщина.

Она ошиблась с масштабом фигуры, потому что нижняя часть тела была скрыта.

Мария закрыла глаза.

Ещё вчера она построила целую историю на основании неверно истолкованной детали фотографии.

Ей стало почти смешно.

Так легко было превратить собственную догадку в факт.

— Кто эти дети? — спросила Софья.

Мария открыла глаза.

— Одну я знаю.

— Которую?

— Пока не уверена.

Софья достала планшет.

— Я хотела показать вам не только фотографии.

Она открыла архивный каталог.

На экране появилась страница старого муниципального сайта. Очевидно, сайт несколько раз переносили с одной платформы на другую. Часть изображений отсутствовала, некоторые ссылки не работали.

— Я нашла здесь записи об участке, где стоял этот дом, — сказала девушка.

— Какой дом?

— На фотографии. Он не похож на нынешний, но адрес тот же. Мельничная, восемнадцать.

Мария удивилась.

— Это здесь?

— Да.

— Вы уверены?

Софья показала старый кадастровый план.

Дом на снимке стоял на том же участке, где теперь находились их квартиры.

Мария посмотрела на фотографию.

Деревянные стены.

Крыльцо.

Большое дерево сбоку.

Она вдруг узнала дом.

Не по форме.

По крыльцу.

На нём было пять ступеней. Последняя немного перекошена.

Она помнила, как однажды споткнулась на этой ступени и разбила колено.

Мать тогда долго промывала ссадину, а Мария кричала, что больше никогда не будет ходить в этот ужасный дом.

— Что здесь находилось в 2002 году? — спросила она.

— Частный медицинский центр. Но в городском реестре он зарегистрирован только с 2004 года.

— А раньше?

— Жилой дом.

— Кто собственник?

Софья повернула экран.

— Михаил Константинович Горин.

Мария не удивилась.

Удивление словно закончилось.

— Когда он продал дом?

— В 2005 году. Некой компании «Вереск».

— А потом?

— Компания закрылась. Дом несколько раз переходил между владельцами. В 2059-м его перестроили.

Мария задумалась.

— Значит, я здесь уже бывала.

— Получается, да.

— И вы живёте здесь.

— Да.

— И Левин.

— Да.

Мария посмотрела на девушку.

— Софья, вы никогда не задавались вопросом, почему ваша семья сохранила квартиру именно в этом доме?

— Задавалась.

— И что выяснили?

— Ничего. Отец говорит, что дед купил её как инвестицию. Потом передал мне.

— Когда купил?

— В 2064-м.

Мария вспомнила, что именно в этом году Левин поселился в первой квартире.

Оба переезда произошли одновременно.

— Интересное совпадение.

— Да.

Софья помолчала.

— Только дедушка купил не одну квартиру.

— А сколько?

— Все четыре.

Мария посмотрела на неё.

— Что?

— В 2064 году он выкупил весь дом после реконструкции. Потом одну квартиру подарил мне, другую продал Аркадию Семёновичу. Третью сдал, четвёртую оставил себе.

— Вы говорили, что он оставил вам квартиру.

— Да. По дарственной, перед смертью.

— А ваш дедушка умер?

— В прошлом году.

Мария почувствовала, что снова запуталась.

— Подождите. Ваш дед — Павел Белый?

— Павел Белый — мой дед по отцу. А дом купил другой дед, по маминой линии.

— Значит, Николай Белый — отец Павла и ваш прадед?

— Да. По отцовской линии.

Софья закрыла планшет.

— А квартира досталась мне от деда по матери. Вот и вся путаница.

Мария невольно рассмеялась.

— Софья, сегодня утром я узнала, что физически, возможно, не являюсь дочерью своих родителей. Поэтому меня уже трудно удивить семейными связями.

Девушка посмотрела на неё.

— Аркадий Семёнович рассказал?

— Да.

— Про перенос?

Мария перестала улыбаться.

— Вы знали?

— Не всё.

— Что именно?

Софья несколько секунд разглядывала собственные руки.

— Я нашла документы программы «Преемственность» ещё два месяца назад. Сначала мне показалось, что это исследования по восстановлению памяти после травм. Потом обнаружила, что некоторые участники работали с детьми.

— И?

— Я пыталась найти, чем закончилась программа.

— Нашли?

— Только сообщения о закрытии проекта в 2004 году.

Мария смотрела на неё.

— Вы знали, что я была участником?

— Нет. Узнала вчера, когда Степан показал папку.

— Тогда почему отказались от письма?

Софья подняла голову.

— Потому что письма начали влиять на мои решения.

— Вы уже говорили.

— Я не закончила.

Девушка встала, подошла к окну.

— Понимаете, вначале я радовалась. Представьте: вам шестнадцать, и вы получаете письмо от человека, который умер задолго до вашего рождения. Он знает ваше имя, дату рождения, интересы. Потом начинает говорить о будущем.

Она обернулась.

— Сначала это кажется удивительным. Почти подарком. Как будто кто-то заранее позаботился о тебе.

Мария кивнула.

— А потом?

— Потом я заметила, что перестала просто жить.

— Что вы имеете в виду?

— Я постоянно сверяла происходящее с письмами. Если в письме было написано, что я встречу Кирилла, я искала Кирилла. Если прадед советовал медицину, я стала сомневаться в архитектуре. Если писал про собаку, я начала избегать привычной дороги.

Софья вернулась к столу.

— И в какой-то момент поняла: я уже не знаю, что выбрала сама.

Мария долго смотрела на девушку.

Ей было девятнадцать.

В девятнадцать лет Мария сама хотела, чтобы кто-нибудь сказал ей, как правильно жить. Какую профессию выбрать, с кем строить отношения, каких ошибок избегать.

Софья получила именно это.

И отказалась.

— Поэтому вы не открыли седьмое письмо?

— Да.

— Но продолжили искать документы прадеда.

— Я хотела понять, кто дал ему право так поступать.

Мария неожиданно почувствовала, что услышала самый важный вопрос за весь день.

Не как человек мог узнать будущее.

Не можно ли восстановить умершего.

И даже не кто она сама.

Кто дал человеку право распоряжаться чужой жизнью, если он уверен, что знает её будущее?

Она вспомнила Николая Белого.

Его сына.

Свою смерть.

Девочку, память которой, возможно, уничтожили ради восстановления другой.

И людей, которые всё это назвали исследованием.

— Никто, — сказала Мария.

Софья посмотрела на неё.

— Что?

— Никто не давал ему такого права.

Некоторое время они молчали.

Затем Мария вернулась к фотографиям.

— Давайте всё-таки разберёмся с детьми.

Софья пододвинула снимки.

— Я ещё кое-что заметила.

Она взяла первую фотографию.

Показала нижний угол.

— Видите цифры?

Мария прищурилась.

Возле самой кромки находилась едва заметная надпись:

14.07.02 — 15:58.

На второй фотографии:

14.07.02 — 17:46.

Мария почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Вы проверяли, что это за обозначения?

— Дата и время съёмки. Их ставила камера. В некоторых моделях тогда была такая функция.

Мария ещё раз посмотрела на первую фотографию.

В 15:58 маленькая девочка была жива.

В 16:19 её доставили в больницу.

В 16:42 констатировали смерть.

В 17:46 на второй фотографии стояли уже две девочки.

Одна на руках мужчины.

Другая — за спиной Николая.

Мария достала медицинский протокол, сохранённый в телефоне.

В 17:03 объект доставлен.

В 17:11 передача завершена.

В 17:19 самостоятельное дыхание.

В 17:22 восстановление сознания.

Если документы были подлинными, в 17:46 девочка с восстановленной памятью уже могла находиться возле дома.

Но кто тогда вторая?

И почему она была похожа на первую?

— Софья, откуда вы знаете, что время на фотографиях настоящее?

— Не знаю.

— Цифры могли напечатать позднее.

— Могли.

— Саму фотографию могли отредактировать.

— Да.

— Тогда пока ничего не доказано.

Девушка кивнула.

— Я так и подумала. Поэтому нашла человека, который работал с архивной фотографией.

— И?

— Он сказал, что фотографии, скорее всего, отпечатаны на бумаге начала двухтысячных. Но определить дату самого снимка по отпечатку невозможно.

— А монтаж?

— Не обнаружил. Но это тоже ничего не доказывает.

Мария удовлетворённо кивнула.

— Хорошо.

Софья удивилась.

— Хорошо?

— Вы не пытаетесь выдать предположение за доказательство. Это уже немало.

Девушка улыбнулась.

— Аркадий Семёнович говорит примерно так же.

Мария вспомнила старика.

Его спокойный голос.

Признание в участии в эксперименте.

И странную фразу о том, что он не знает, сколько в ней осталось от первоначальной девочки.

— Софья, вы не знаете, у Аркадия Семёновича есть родственники?

— Дочь. Живёт в Петербурге. Внуки.

— Они часто приезжают?

— Не очень. Но дочь звонит почти каждый день.

— А он никогда не рассказывал вам о Михаиле Горине?

Софья задумалась.

— Однажды упоминал.

— Что говорил?

— Что самые опасные люди — не те, кто хочет власти.

— А какие?

— Те, кто уверен, что нашёл способ исправить мир.

Мария посмотрела на фотографии.

— Возможно, он прав.

Они продолжили разбирать бумаги.

В коробке оказалась небольшая записная книжка Николая Белого. Страницы были исписаны цифрами, сокращениями и короткими фразами.

Некоторые записи относились к 2020 году.

Другие датированы 2021-м.

На одной странице Мария увидела таблицу.

Три колонки.

Факт.

Прогноз.

Вмешательство.

Под таблицей было написано:

Нельзя измерить точность прогноза, если само знание о нём изменяет поведение наблюдателя.

Мария показала запись Софье.

— Это вы читали?

— Да.

— И что думаете?

— Что прадед понимал проблему.

— Понимал, но продолжал рассылать письма.

— Да.

Мария перевернула страницу.

Вероятность события без вмешательства — 0,63.

После сообщения субъекту — 0,91.

После запрета на сообщение — 0,24.

Ниже стояла дата: 17 февраля 2021 года.

И короткая фраза:

Информация становится причиной.

Мария задумалась.

Получалось, что Николай не просто фиксировал будущие события.

Он изучал, как знание о них влияет на их наступление.

Если человеку сказать, что он встретит определённого знакомого, тот начнёт обращать внимание на людей с нужным именем.

Если посоветовать профессию, можно изменить профессиональный выбор.

Если предупредить о несчастном случае, человек способен либо избежать его, либо, напротив, своими действиями приблизить.

Всё это было понятно.

Но откуда брались первоначальные сведения?

Она перелистнула несколько страниц.

На последней обнаружилась запись, сделанная другим почерком.

Николай, ты продолжаешь путать предсказание с управлением.

То, что мы можем рассчитать вероятный выбор человека, ещё не означает, что мы вправе сделать этот выбор за него.

Ты называешь это спасением.

Я называю это лишением будущего.

Подпись:

А. Левин.

Мария прочитала записку дважды.

— Аркадий Семёнович действительно пытался его остановить.

Софья кивнула.

— Я поэтому и начала с ним разговаривать.

— А он вам что-нибудь рассказывал про 1998 год?

— Мало.

— Почему?

— Говорит, что не хочет создавать мне воспоминания о событиях, которых я не переживала.

Мария посмотрела на девушку.
Старик использовал почти ту же формулировку, что Николай в последнем письме.
Но смысл был другим.
Один предупреждал об опасности чужой памяти.
Другой отказывался навязывать чужое прошлое.
Мария подумала, что между этими позициями существует принципиальная разница.
В 12:14 Софья достала из коробки последний предмет.
Небольшую фотографию размером примерно шесть на девять сантиметров.
— Вот это я нашла сегодня утром.
Мария взяла снимок.
На нём стоял мужчина лет сорока.
Высокий, худой, с длинным лицом и очень светлыми глазами.
За его спиной находилась комната с высокими окнами.
Деревянный письменный стол.
Чернильница.
Дерево за окном.
Мария почувствовала, как перестала дышать.
Она знала эту комнату.
Видела её меньше четырёх часов назад.
Не в действительности.
В воспоминании, возникшем после чтения письма.
Там сидел мужчина с седыми усами и задавал вопрос.
Ты точно хочешь оставить её?
Мария поднесла фотографию ближе.
— Кто это?
Софья посмотрела на снимок.
— Не знаю. На обороте только фамилия.
Мария перевернула фотографию.
Михаил Горин. 1998.
Она замерла.
— Это Горин?
— Судя по надписи.
Мария посмотрела на лицо мужчины.
Нет.
В её воспоминании Горин сидел напротив.
А отвечала она сама.
Только мужским голосом.
Она попыталась вспомнить руки человека, от имени которого говорила.
Ничего.
Но комнату помнила отчётливо.
Даже трещину на деревянной раме окна.
На фотографии эта трещина была видна.
Маленькая, у нижнего угла.
Мария положила снимок.
— Софья, где находилась эта комната?
— Не знаю.
— Можно поискать?
— Конечно.
Девушка открыла планшет.

Они начали проверять старые фотографии научных учреждений Ольхова.

Несколько исследовательских корпусов снесли в тридцатых годах. Некоторые здания перестроили под жилые дома. Часть архивов оказалась недоступна.

Поиск ничего не дал.

Мария уже собиралась закрыть планшет, когда Софья неожиданно сказала:

— Подождите.

Она увеличила фотографию.

— Видите?

Мария посмотрела.

На стене за спиной Горина висел небольшой календарь.

Цифры почти не различались.

Но в нижнем углу была эмблема.

Круг.

Внутри — три вертикальные линии.

— Это логотип? — спросила Мария.

— Похоже.

Софья открыла поиск по изображениям.

Через несколько секунд появились результаты.

Эмблема принадлежала Институту вероятностных систем.

Организация существовала с 1978 по 2004 год.

— Нашли, — сказала Софья.

Мария открыла страницу.

В описании значилось, что институт занимался прикладной математикой, моделированием сложных процессов и разработкой систем поддержки принятия решений.

Всё выглядело вполне обыкновенно.

До тех пор, пока Мария не увидела адрес.

Ольхов. Улица Мельничная, 18.

Она медленно подняла глаза.

Софья тоже посмотрела на неё.

Они одновременно повернулись к окну.

Обе находились в доме, который когда-то был исследовательским институтом.

— Но это невозможно, — сказала Софья.

— Почему?

— Здесь же был жилой дом.

— И частный медицинский центр.

— И институт.

— Значит, нужно выяснить последовательность.

Мария снова открыла кадастровый план.

В архиве за 1998 год участок значился как территория индивидуальной жилой застройки.

Собственник — Михаил Горин.

В другом реестре, за тот же год, по этому адресу находился Институт вероятностных систем.

Государственное учреждение.

Мария сравнила регистрационные номера.

Оба документа имели действительные электронные копии.

Оба были внесены в государственные архивы при их оцифровке в 2030-х годах.

Но одновременно существовать в таком виде они не могли.

— Возможно, институт арендовал помещение, — предположила Софья.

— Возможно.

Мария открыла технический паспорт здания.

Жилой дом.

Площадь — 184 квадратных метра.

Два этажа.

Деревянный.

Затем открыла паспорт здания института.

Площадь — 2 860 квадратных метров.

Четыре этажа.

Кирпичный.

Построен в 1976 году.

Снесён в 2004-м.

Один адрес.

Один участок.

Два разных здания.

Мария внимательно посмотрела на схемы.

Затем на фотографии.

— Это не одна и та же постройка.

— Тогда почему адрес одинаковый?

— Возможно, ошибка переноса документов. Возможно, в разные годы меняли нумерацию.

Она открыла исторический справочник улиц.

Нумерация на Мельничной не менялась с 1956 года.

Мария задумалась.

Институт мог иметь юридический адрес в частном доме, а фактически находиться в другом месте. Это встречалось.

Но зачем тогда указывать площадь и технические характеристики другого здания?

И почему в одном архиве числился снос института, а в другом — непрерывное существование дома Горина?

— Давайте найдём фотографии института снаружи, — предложила она.

Софья открыла страницу архитектурного каталога.

Там сохранился единственный снимок.

Большое четырёхэтажное здание из красного кирпича.

Широкая лестница.

Металлическая вывеска.

Два ряда высоких окон.

Мария смотрела на фотографию.

На переднем плане стояли несколько человек.

Позади — большой клён.

Его ствол разделялся на две ветви почти у самой земли.

Мария подошла к окну кухни.

Во дворе рос именно такой клён.

Старый.

С двумя ветвями.

На том же месте.

Она вернулась к планшету.

— Софья, а можно посмотреть спутниковые снимки этого участка за разные годы?

— Сейчас.

Девушка открыла исторический картографический сервис.

Снимок 2040 года.

Двухэтажный дом.

Снимок 2020-го.

Тот же дом.

Снимок 2000-го.

Тот же.

Снимок 1985 года оказался менее качественным, но очертания здания различались.

Небольшой прямоугольник.

Никакого четырёхэтажного института.

Мария почувствовала облегчение.

— Значит, архивная ошибка.

— Получается.

— Хотя фотография института настоящая, адрес может быть неправильным.

Софья кивнула.

Потом неожиданно спросила:

— А почему у них один и тот же клён?

Мария посмотрела на снимки.

Действительно.

На фотографии института дерево стояло в том же месте относительно участка.

Более того, за ним виднелась низкая кирпичная ограда, сохранившаяся и на современных снимках.

Совпадение было слишком точным.

Но дерево и ограда не доказывали существование двух зданий одновременно.

Они могли появляться на фотографиях разных периодов.

Мария решила, что без независимых документов дальше двигаться бессмысленно.

— Нужно найти строительный архив, — сказала она.

— Зачем?

— Там должны быть разрешения на строительство и снос, планы коммуникаций, акты ввода в эксплуатацию.

— А если их нет?

— Тогда будем думать.

Софья посмотрела на неё.

— Вы не очень любите фантастические объяснения?

— Люблю. В книгах.

— А в жизни?

— В жизни они часто оказываются результатом плохого делопроизводства.

Софья рассмеялась.

В половине первого Мария собралась уходить.

Она устала.

Вчерашний вечер, почти бессонная ночь, утреннее расследование и разговор с Левиным забрали гораздо больше сил, чем она рассчитывала.

Ей хотелось домой.

Накормить Министра.

Сварить суп.

Возможно, поспать.

Но прежде нужно было решить, что делать с накопителем.

Коробка с номером 003 лежала в сумке.

Она достала её.

Показала Софье.

— Аркадий Семёнович передал мне это.

— Что там?

— Предположительно, третья редакция списка.

Девушка посмотрела на коробку с заметным напряжением.

— Вы собираетесь открывать?

— Пока не решила.

— А можно мне не знать, что там написано?

Мария удивилась.

— Конечно.

— Даже если там что-то обо мне.

— Особенно если о вас.

Софья кивнула.

— Спасибо.

Мария положила коробку обратно.

Потом спросила:

— А вы не хотите узнать, почему прадед оставил вам семь писем?

Софья задумалась.

— Хочу. Но не уверена, что хочу прочесть ответ.

— Это разные вещи.

— Да.

Она проводила Марию в прихожую.

Когда та уже надела пальто, Софья неожиданно сказала:

— Мария Андреевна, можно один вопрос?

— Конечно.

— Вы сейчас думаете, что вы не настоящая?

Мария остановилась.

Вопрос оказался настолько прямым, что она не сразу нашлась с ответом.

— Не знаю.

— А что изменилось?

— Что вы имеете в виду?

— Ну, вчера вы знали, кто вы. Сегодня узнали другую историю своего рождения. И что?

Мария посмотрела на девушку.

— Многое.

— Например?

— Возможно, мои родители не были моими биологическими родителями. Возможно, у меня память другого ребёнка.

— Но вы всё равно прожили свою жизнь.

Мария промолчала.

— У вас есть дочь, — продолжила Софья. — Работа. Люди, которых вы любили. То, что вы делали сами.

— Да.

— И это ведь никуда не исчезло.

Мария почувствовала неожиданное раздражение.

Не на девушку.

На простоту ответа.

— Софья, иногда недостаточно сказать, что жизнь продолжается. Хочется понять, что именно продолжает жить.

Девушка задумалась.

— Наверное.

Они постояли молча.

Потом Софья сказала:

— А мне кажется, что человека нельзя полностью объяснить его прошлым.

Мария посмотрела на неё.

— Почему?

— Потому что тогда у него не останется будущего.

Мария вышла из квартиры.

На площадке было тихо.

Она уже направилась к лестнице, когда услышала негромкий звук за спиной.

Дверь первой квартиры открылась.

На пороге стоял Аркадий Левин.

— Мария Андреевна.

Она обернулась.

— Что-то случилось?

Старик выглядел встревоженным.

— Софья показала вам фотографии?

— Да.

— Обе?

— Три, если считать мою.

Левин прикрыл глаза.

— Значит, Николай всё-таки оставил вторую.

— Вы знали о ней?

— Да.

— Кто вторая девочка?

Левин долго молчал.

— Я надеялся, что вы не станете спрашивать.

Мария почувствовала усталость.

— Аркадий Семёнович, давайте без этого. Сегодня я уже достаточно услышала фраз, начинающихся со слов «я надеялся».

Старик посмотрел на неё.

— Хорошо.

Он опёрся на трость.

— На первой фотографии вы.

— А на второй?

— Тоже вы.

Мария не ответила.

— Одна фотография сделана до процедуры. Вторая — после.

— Но на второй стоят две девочки.

— Да.

— Кто вторая?

Левин посмотрел на закрытую дверь Софьиной квартиры.

— Та, которую мы пытались вернуть.

Мария почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Вы хотите сказать, что обе были живы?

— В 17:46 — да.

— Но вы сказали, что я умерла.

— Вы умерли.

— И всё же на фотографии две девочки.

— Да.

Мария медленно приблизилась.

— Аркадий Семёнович, вы можете наконец говорить прямо?

Левин посмотрел ей в глаза.

— Мы восстановили вашу память в другом ребёнке. Но затем произошло то, чего никто из нас не ожидал.

— Что?

— Ваше собственное тело тоже ожило.

Мария молчала.

— В семнадцать двадцать две мы получили ребёнка, который помнил себя Марией Седовой. А через девять минут в больнице зарегистрировали восстановление сердечной деятельности первоначальной пациентки.

Он замолчал.

— В семнадцать сорок шесть, — продолжил Левин, — обе девочки находились у Горина.

Мария медленно прислонилась к стене.

— И что вы сделали?

— Попытались выяснить, которая из них настоящая.

— И выяснили?

Левин покачал головой.

— Нет.

— Почему?

— Потому что обе отвечали на одни и те же вопросы.

— И обе помнили родителей?

— Да.

— Дом?

— Да.

— Игрушку?

— Да.

— Даже события перед утоплением?

— Нет. Последние минуты не помнила ни одна.

Мария закрыла глаза.

Перед ней возникли две маленькие девочки.

Одинаковые лица.

Одинаковые воспоминания.

Одинаковое желание вернуться домой.

И взрослые люди, которые пытались решить, какая из них имеет право называться Марией.

Она открыла глаза.

— Что стало со второй?

Левин молчал.

— Аркадий Семёнович?

— Одна вернулась домой.

— А другая?

Старик посмотрел на неё с выражением, которого Мария не смогла понять.

— Её оставили в институте.

— На сколько?

— До окончания наблюдения.

— И потом?

Левин медленно опустил голову.

— Потом её забрали.

— Кто?

— Михаил Горин.
— Куда?
— Не знаю.
Мария почувствовала, что начинает злиться.
— Значит, где-то существовала ещё одна Мария Седова?
— Да.
— И вы позволили Горину увезти её?
— Мы не могли ему помешать.
— Почему?
Левин посмотрел на неё.
— Потому что он утверждал, что ребёнок принадлежит ему.
— Принадлежит?
Старик поморщился.
— Именно так он и сказал.
Мария несколько секунд смотрела на него.
— Это чудовищно.
— Да.
— И что стало с девочкой?
— Я не знаю.
Мария хотела что-то ответить, но неожиданно замолчала.
В голове возникла простая мысль.
Если было две девочки, обладавшие одной памятью, то каждая могла вырасти.
Каждая могла прожить собственную жизнь.
И каждая могла считать себя Марией Седовой.
Она посмотрела на Левина.
— Откуда вы знаете, какая из них сейчас перед вами?
Старик долго не отвечал.
Потом произнёс:
— Не знаю.
Мария вышла из дома в 13:06.
Во дворе таял снег.
Клён ронял крупные капли, падавшие на плитку с негромким стуком.
Она остановилась возле калитки.
Достала телефон.
Нашла фотографию отца, на которой сидела у него на плечах.
Сентябрь 2003 года.
Она смотрела на маленькую девочку.
Без родинки под глазом.
На отца, который улыбался в объектив.
На собственное детство.
Если Левин говорил правду, именно эту девочку родители забрали домой.
Но где была другая?
И почему отец однажды сказал, что человек — это не его отпечатки?
Мария увеличила фотографию.
На руке отца виднелось обручальное кольцо.
Она вспомнила, как в детстве любила крутить его на его пальце.
Отец разрешал.
Иногда рассказывал, что кольцо нельзя снять, потому что палец стал толще.
Мария улыбнулась.

Память была тёплой.

Настоящей.

Даже если когда-то принадлежала другому человеку.

Она убрала телефон.

И впервые за этот день подумала не о том, как восстановить прошлое.

А о том, что случилось бы, если бы она встретила вторую Марию Седову.

Как они назвали бы друг друга?

Сёстрами?

Двойниками?

Ошибкой?

Или просто двумя женщинами, которым однажды досталось одинаковое детство?

Дома Министр встретил её возмущённым мяуканьем.

Мария посмотрела на часы.

Почти два.

Кот не получил обед вовремя.

В отличие от проблем человеческой идентичности, эта несправедливость требовала немедленного устранения.

— Да, начальство. Виновата.

Она насыпала корм.

Переоделась.

Поставила воду для супа.

Затем достала накопитель.

Положила на кухонный стол.

Металлическая коробка была тяжёлой, с потёртыми краями. На крышке значился номер 003.

Мария открыла её.

Внутри находился маленький носитель информации с универсальным разъёмом.

Она подключила его к домашнему компьютеру.

На экране появилось сообщение:

Обнаружен архивный носитель.

Дата создания: 21 апреля 2021 года.

Последнее изменение: 12 ноября 2068 года.

Мария замерла.

Вчера.

Кто-то изменил содержимое накопителя вчера.

Она открыла свойства.

Файл был единственным.

СПИСОК_003.

Размер — 184 мегабайта.

Создатель — Н. Белый.

Последний пользователь — М. Седова.

Мария смотрела на экран.

Она никогда раньше не видела этот накопитель.

Не подключала его.

И не могла изменить файл вчера, потому что вчера весь вечер провела в архиве, а затем дома.

Она открыла журнал изменений.

12.11.2068, 18:37 — изменение структуры.

12.11.2068, 18:38 — сохранение.

Мария медленно откинулась на спинку стула.
В 18:37 вчерашнего дня она находилась в архиве.
Именно тогда, насколько помнила, Степан сообщил ей о деле.
Она взяла телефон.
Открыла фотографии, сделанные вчера.
Первый снимок конверта — 18:16.
Фотография письма — 18:31.
Последний снимок, на котором лежали три листа и фотография, — 18:36.
Следующий кадр отсутствовал.
Мария вспомнила, что в 18:37 ещё разговаривала со Степаном.
Или уже вышла?
Она не была уверена.
Она открыла файл.
Компьютер запросил подтверждение:
Документ содержит сведения о событиях, которые ещё не наступили.
Продолжить?
Мария усмехнулась.
Программное предупреждение выглядело почти театрально.
Она нажала «Продолжить».
Открылся список.
Тысячи фамилий.
Даты рождения.
Адреса.
Профессии.
События.
Мария пролистнула несколько страниц.
Затем нашла собственную фамилию.
Седова Мария Андреевна.
Дата рождения: 19.09.1999.
Дата прекращения первого жизненного цикла: 14.07.2002.
Дата начала второго жизненного цикла: 14.07.2002.
Статус: активна.
Дата последнего подтверждения: 12.11.2068.
Она прочитала запись несколько раз.
Ниже находилась ссылка.
Связанные субъекты: 2.
Мария нажала.
Появились две карточки.
Первая:
Седова М. А. — объект 148-А.
Состояние: активна.
Текущий возраст: 69 лет.
Вторая:
Седова М. А. — объект 148-Б.
Состояние: активна.
Текущий возраст: 69 лет.
Мария почувствовала, как сердце ускорило ритм.
Обе живы.
Если файл не был подделкой.

Обе прожили шестьдесят девять лет.
Она открыла вторую карточку.
Имя после изменения регистрационных данных: Ирина Михайловна Горина.
Дата последнего подтверждения: 12.11.2068.
Место проживания: Ольхов.
Мария медленно подалась вперёд.
Под записью находилась фотография.
Пожилая женщина.
Короткие седые волосы.
Тёмные глаза.
Тонкие губы.
Лицо было очень похоже на лицо Марии.
Не совершенно одинаковое.
Но достаточно, чтобы принять их за сестёр.
На правой щеке женщины виднелась маленькая родинка.
Та самая.
Мария поднесла руку к собственному лицу.
Потом посмотрела на экран.
Внизу карточки находилась строка:
Последний контакт между субъектами: 12.11.2068.
Мария нахмурилась.
Вчера.
Она не встречалась с Ириной Гориной.
Насколько помнила.
Мария нажала на строку.
Открылся небольшой файл.
Внутри находилась видеозапись.
Продолжительность — сорок одна секунда.
На заставке значилось:
Архив Ольхова.
Камера №17.
12 ноября 2068 года.
18:37.
Мария почувствовала, как похолодели руки.
Она нажала воспроизведение.
На экране появился коридор архива.
Тот самый, по которому она вчера уходила домой.
Мария увидела себя.
Она стояла возле стойки охраны.
Напротив — Степан.
Затем в коридоре появилась женщина.
Пожилая.
С короткими седыми волосами.
В тёмном пальто.
Мария узнала лицо с фотографии.
Ирина Горина подошла к ней.
Они стояли друг напротив друга.
Несколько секунд разговаривали.
Потом Ирина протянула ей небольшой предмет.

Металлическую коробку.
Мария взяла её.
Посмотрела.
И вернула Ирине.
Та кивнула.
На записи не было звука.
Затем обе женщины обнялись.
Совсем ненадолго.
Ирина ушла первой.
Мария осталась у стойки.
Степан что-то сказал.
Она ответила.
После этого запись оборвалась.
Мария сидела неподвижно.
Она не помнила этой встречи.
Ни лица женщины.
Ни разговора.
Ни объятия.
Она перемотала запись.
Посмотрела снова.
И ещё раз.
На третьем просмотре заметила кое-что странное.
Когда Ирина уходила, Мария осталась возле стойки и подняла руку.
Не попрощалась.
Не помахала.
Она коснулась двумя пальцами собственного лба.
Точно так же, как иногда делал отец, когда о чём-то напряжённо думал.
А Ирина, уже стоя спиной, повторила этот жест.
Мария остановила запись.
Увеличила изображение.
Две пожилые женщины.
Один жест.
Одна память.
И встреча, о которой одна из них ничего не помнила.
Из кухни донёсся звук закипающей воды.
Министр запрыгнул на свободный стул.
Мария выключила плиту.
Вернулась к компьютеру.
Посмотрела на дату последнего изменения файла.
12 ноября 2068 года.
18:38.
Через минуту после встречи.

Она вдруг поняла, что накопитель, переданный ей сегодня Левиным, уже содержал запись о событии, произошедшем вчера.

И что каким-то образом из её собственной памяти исчезли сорок одна секунда.
Возможно, больше.
Мария снова открыла видеозапись.
На этот раз её интересовала не Ирина.
Она смотрела на себя.

На выражение своего лица.
На движения.
На то, как она разговаривала с другой женщиной.
И чем дольше смотрела, тем отчётливее понимала одну простую вещь.
Вчера она не была удивлена этой встрече.
Она улыбалась Ирине.
Как человеку, которого давно знала.
Более того, перед тем как обнять другую женщину, Мария что-то сказала.
Короткую фразу.
По движению губ нельзя было точно определить слова.
Но Мария почему-то почти услышала их.
Ну здравствуй.
Она остановила видео.
Посмотрела на пустую кухню.
— Кто же ты такая? — произнесла она тихо.
И вдруг услышала ответ.
Не из компьютера.
Не из телефона.
Из собственной памяти.
Та, которая осталась.
Мария резко выпрямилась.
Голос был женским.
Похожим на её собственный.
Но моложе.
Она хорошо его знала.
Это был голос, которым она разговаривала в детстве.
Мария закрыла глаза.
Перед ней снова возникла комната с высокими окнами.
Стол.
Чернильница.
Дерево.
Мужчина с седыми усами.
Только теперь она видела сцену иначе.
В комнате находились три человека.
Михаил Горин.
Николай Белый.
И маленькая девочка, сидевшая на полу возле окна.
Девочка держала в руках плюшевого зайца.
В синей куртке.
С двумя золотыми пуговицами.
Капитана.
Мужчины разговаривали.
Николай спросил:
— Ты точно хочешь оставить её?
И кто-то ответил:
— Да. Если получится, пусть живёт.
Мария внезапно поняла, что голос принадлежал не ей.
И не Михаилу Горину.
Это был голос Николая Белого.

Но тогда кто задавал вопрос?
Она попыталась повернуть голову в воспоминании.
Увидеть человека за столом.
И в этот момент раздался звонок телефона.
Мария открыла глаза.
На экране высветился неизвестный номер.
Она ответила.
— Алло?
Несколько секунд было тихо.
Затем женский голос произнёс:
— Маша?
Мария не ответила.
— Маша, это Ирина.
Сердце ударило сильнее.
— Я знаю, кто вы.
— Хорошо.
Женщина на другом конце линии вздохнула.
— Значит, ты открыла список.
— Да.
— И посмотрела запись?
— Да.
Долгое молчание.
Потом Ирина спросила:
— Ты опять ничего не помнишь?
Мария почувствовала, как пальцы сжали телефон.
— Что значит «опять»?
Ирина не ответила сразу.
— Маша, пожалуйста, не открывай больше никаких файлов.
— Почему?
— Потому что мы уже однажды через это прошли.
— Когда?
— Вчера.
Мария закрыла глаза.
— Что произошло вчера?
Женщина на другом конце линии заплакала.
Тихо.
Без всхлипываний.
Мария ждала.
Потом услышала:
— Ты сказала, что больше не хочешь помнить.
— Что именно?
Ирина долго молчала.
— Нашу первую жизнь.
Мария почувствовала, как всё внутри остановилось.
— Первую жизнь?
— Да.
— До 2002 года?
— Нет, Маша.
Голос Ирины стал твёрже.

— До 1998-го.
Она помолчала.
— До того, как мы придумали, как возвращать мёртвых.

Глава 6. Право на забвение

— Повтори, — сказала Мария.

— Что именно?

— Последнюю фразу.

Ирина помолчала.

— До того, как мы придумали, как возвращать мёртвых.

— Кто — мы?

— Это сложнее объяснить по телефону.

— Ирина, мне сегодня уже два человека говорили, что некоторые вещи сложно объяснить. Один из них сто один год занимается тем, что не может объяснить собственную работу. Поэтому я прошу тебя ответить на простой вопрос. Кто такие «мы»?

На другом конце линии послышался вздох.

— Ты и я.

— В 1998 году?

— Да.

— За год до моего рождения?

— Да.

Мария посмотрела на кухонные часы.

14:26.

Обычное время обычного дня.

Она вдруг поняла, что с утра перестала замечать простые вещи. Не помнила, сколько раз пила кофе. Не могла сказать, видела ли сегодня солнце. Даже собственный голод исчез куда-то за непрерывными попытками разобраться в происходящем.

— Ирина, — произнесла она, — ты понимаешь, насколько нелепо это звучит?

— Понимаю.

— И всё-таки утверждаешь, что мы существовали до рождения?

— Да.

— Тогда назови хотя бы одно обстоятельство, которое я могу проверить.

Ирина молчала довольно долго.

— У тебя на кухне есть кот?

Мария растерялась.

— Есть.

— Рыжий?

— Нет. Серый.

— Толстый?

— Достаточно.

— Значит, Министр ещё жив.

Мария почувствовала раздражение.

— Это можно узнать из социальных сетей.

— Можно.

— И что дальше?

— У тебя над кухонной дверью есть маленькая трещина. Ты несколько раз собиралась её заделать, но каждый раз забывала.

Мария посмотрела на дверь.

Трещина была.

— Это тоже не доказательство.

— Я и не пытаюсь ничего доказать.

— Тогда зачем рассказываешь?

— Потому что ты спросила.

Мария закрыла глаза.

Эту фразу сегодня уже произносил Левин.

— Вы все друг у друга учились отвечать?

Ирина неожиданно рассмеялась.

Смех был негромким, немного хриплым.

Но Мария почувствовала странное узнавание.

Не голоса.

Интонации.

Так смеются люди, которым давно известна одна и та же шутка.

— Маша, — сказала Ирина, — ты ведь не станешь мне верить, сколько бы я ни рассказывала.

— Разумеется.

— Вот поэтому вчера мы и договорились ничего не объяснять по телефону.

— Мы?

— Ты и я.

— И что ещё мы решили?

Ирина замолчала.

Затем сказала:

— Мы решили встретиться завтра.

— Где?

— Там, где всё началось.

— На Мельничной?

— Нет.

— В институте?

— Его больше нет.

— Тогда где?

— На старом кладбище.

Мария открыла глаза.

— Зачем?

— Мы должны кое-кого навестить.

— Кого?

— Себя.

Связь оборвалась.

Не резко.

Ирина просто сказала:

— До завтра, Маша.

И отключилась.

Мария несколько секунд держала телефон возле уха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.